

林京子 (1930-2017)
Кёко Хаяси (1930-2017)

長い時間をかけた人間の経験

Человек с большим жизненным опытом

1999 год, весна, конец века...

- Если цветы распустились, то они обязательно опадут, - проговорил мой старший товарищ, сидя под сакурой в полном цвету. Я, тогда молодая девушка лет 17-18, едва не прыснула от смеха, но, подняв взгляд на туннель из тяжелых, пышных цветов, ответила:

- Конечно, конечно!

Тому давнему разговору уже больше полувека. Но за всю свою жизнь я никогда не слышала более правдивых слов. И если поначалу они необыкновенно смешат, то потом в них обнаруживаешь поразительное проникновение в суть вещей.

...Середина сентября прошлого года. И земля, и небо еще хранят следы летней жары. Мы втроем стоим у подножья невысокой горы. На ее вершине находится один из храмов богини Каннон,¹ лежащих на пути паломничества по святым местам полуострова.

Невысокая гора была густо покрыта зарослями дикой айвы и азалии, по крутому склону до самой вершины взбиралась каменная храмовая лестница. За пару минут ходьбы от подошвы горы можно было выйти к окружающему полуостров морю. Оставив машину на прибрежной дороге, мы двинулись по узкой тропинке, продуваемой морским ветром. В море стояли яхты и рыбацкие лодки.

Свой первый шаг к вершине, шаг паломника, я сделала вместе с двумя молодыми людьми, F и T.

- Храмы обходите? Давайте вместе! – предложили мне мои спутницы.

Две девушки, обутые в кроссовки, кинулись наверх, легко перепрыгивая через две-три ступеньки. Резвые у них руки-ноги, на пружинках, не то, что у нас, стариков! Глядя на быстро летевших вперед и вверх девушек, я забеспокоилась. Судя по тому, что было написано в брошюре «Паломничество по храмам Канон», из 33 храмов, которые нужно посетить на этом полуострове, 70 процентов построены на вершинах или на склонах гор. Так что для того, чтобы получить красные печати – знаки того, что паломник прошел свой путь, придется мне побегать вверх-вниз... Главное, чтоб опять колени не заболели...

И все-таки я решилась. В конце концов, что там какая-то боль в коленях? Разве меня не разламывало 9 августа? Я подняла глаза к ясному небу и взмолилась:

- Друзья и учителя мои покойные, пожалуйста, оберегайте мои колени до конца этого паломничества! - И поставила ногу на каменную лестницу, в которой было больше сотни ступенек...

Мы стояли на территории храма. Сквозь деревья дул сильный боковой ветер.

- А здесь и зелень другая... - заговорили девушки, подняв глаза к качавшимся на ветру верхушкам деревьев. Наверное, и впрямь соленый ветер с Тихого океана, уносит отсюда грязь и запах гари, которые выделяют люди и машины. Во всяком случае, после того, как наша

машина въехала на полуостров, все стало другим - и небо, и зелень деревьев, и цвет почвы...

Тщательно возделанные плантации с красной землей, прежде засеянные самым знаменитым продуктом этих мест - «зимней» редькой *дайкон*, были просто напитаны солнцем. Сверкали на солнце листья, усыпавшие широко раскинутые ветви деревьев, извилистых, словно течение Курошио. На всем пейзаже не было ни одного блеклого пятна.

Ступени каменной лестницы вели прямо к фасаду главного зала храма. Мы бросили в деревянный ящик для пожертвований заготовленные мелкие монеты. Даже удивительно, с каким громким шумом они посыпались... Выполнив свой долг паломников, мы завернули к храмовой кухне, из которой слышались людские голоса. Раздвижные перегородки комнаты были распахнуты, на выгоревших циновках-*татами* сидели две женщины. Я достала салфетку с иероглифами «Эдо коута», полученную от Кана во время церемонии «присвоении имени» и, оглядевшись по сторонам, стала спрашивать, где здесь можно поставить храмовую печать.² Я впервые обращалась с такой просьбой, поэтому даже смутилась, произнося непривычное слово «*госюин*» - «печать».

- Вовремя Вы! А мы только что с поля! Без крестьян и в храме есть будет нечего, вот так-то! - Женщина в рабочих шароварах-*момпэ*, у которой на коленях стояла бамбуковая корзина с огурцами и помидорами, поправила отставленную в сторону ногу. Симпатичная старушка. Наверное, прихожанка, которая во время праздника *обон*³ присматривает за храмом вместо настоятеля.

- Вы потихоньку прогуляйтесь-то по

холодку. - Заменявшая настоятеля женщина поставила печать и показала рукой в сторону главного зала храма. - Там ветер только, а так одно удовольствие...

Перед главным залом - там, где нас уже сдувало боковым ветром - расстилалась обширная храмовая территория. Слева, под пересекавшими ее холмами, виднелось море. Сверкающее море проглядывало и сквозь посаженные повсюду деревья. Мы стали на самом краю узкой площадки. Похоже, храм занимал всю гору. Было видно, как в бухту, покрытую мелкими барашками волн, входила яхта...

- Да... Затерянный мир, - сказала F, глядя на море.

F и T были журналистками и работали в одной газете в отделе общественной жизни. Наверное, они сутки за сутками проводили в центре города, не отличая день от ночи, и потому не имели времени полюбоваться природой - тем более, таким миром безмолвия. Для работающих людей, окруженных искусственными звуками, этот пейзаж действительно мог показаться чем-то вроде немного кино и затерянного мира.

- Но зато как тут чудесно! Какой вид, а? - сказала F, одетая в футболку с круглым вырезом. - Тсс! Тише!

Да, чувствуется, девушки в самом деле выросли в Токио...

- Там что, экскурсия? - тихо спросила T. На ней были синие джинсы.

Похоже, это и в самом деле были школьники пятых-шестых классов из ближнего города - сели на электричку и приехали с экскурсией на побережье

полуострова.

Е в сомнении склонила голову набок:

- Какая-то экскурсия уже здесь. Но это не она...

На склоне горы, закрывающей залив с противоположного берега, стоял белый домик в европейском стиле. Наверное, в этом окруженном зеленью здании находился дом отдыха какой-то компании. Ничего особенного в этом виде не было, но Е сказала, что вид моря и береговой линии, форма горы с чуть просевшей вершиной - все это она почему-то помнит, а потом живо воскликнула:

- Ну да! Это же я с родителями сюда приезжала!..

Ее родителей не стало, когда она была в первом классе – или нет, во втором классе, весной. И как она это вспомнила, ведь все это было так давно?..

В ответ на слова Е я молча кивнула. Когда оглядываешься назад и пытаешься подсчитать, сколько времени прошло с той или иной поры, то все, что получается - это только какое-то число. А вот воспоминания о том или ином времени каждый человек хранит в себе в сжатом виде, словно под давлением в спрее. И едва частицы этой памяти тронет сырой ветер или какой-нибудь аромат, напоминающий о прошлом, как память внезапно оживает и набухает воспоминаниями.

Время кажется долгим, но оно и коротко. Возьмем XVII или XVIII века – уж в каком мраке представляется мир того времени и даже то, что случилось самое большее 100 или 200 лет тому назад. С другой стороны, я сама уже прожила две трети века. А есть люди, которым за сотню, и

они находятся в добром здравии - вот ведь как! Но бывает и так, что человек живет сотню лет, а время тратит попусту: для него что сегодня, что вчера – по большому счету, никакой разницы...

Похоже, вернулся настоятель: над храмом поплыли голоса людей, нараспев читавших сутры. Женщины тоже присоединились к хору. Голоса верующих пронизывал трепещущий звон колокольчика. Динь! Динь! Как же прекрасен этот тембр! Динь! Динь! Звуки выписывали серебряные колечки, цеплялись друг за друга и уносились к морю. Так, наверное, звучит голос птицы калавинки,⁴ что обитает в буддийском раю...

Море внизу блестело на утреннем солнце. Если двигаться вдоль его извилистой береговой линии, то можно дойти до городка, в котором я живу...

В городке, что стоит на той береговой линии, на вершине холма, обитал Философ. Я называю его так учтиво потому, что это слово как нельзя лучше подходит к этому думающему, мыслящему человеку.

Я жила в городке у подножия и два-три раза в год поднималась на гору, чтобы посетить дом Философа. Как раз в тот год, когда я начинала свое паломничество, в конце лета, Философ оставил этот мир. С наступлением нового года я снова поднялась на горку, чтобы нанести визит супруге Философа. Она была в трауре. Стоя на террасе, женщина смотрела, как я пробираюсь к ней среди цветочных клумб.

- Тепло сегодня, - сказала она с улыбкой.

- Я вся взмокла, хотя еще весна, - ответила я.

Надев деревянные сандалии для сада, хозяйка спустилась с террасы.

- А вот это дерево мужа, - проговорила она, указывая на одинокое деревце сливы, высаженное на садовом склоне. – Сказал, что хочет, чтобы с террасы было видно на склоне сливу, которая цветет розовыми цветами, позвал садовника и попросил его посадить это дерево.

Пройдя через пожелтевшие, миновавшие свою лучшую пору нарциссы, я подошла к сливе. Это было совсем юное деревце, но с огромным числом почек. Хозяйка тоже подошла к дереву, нашла среди ветвей два длинных синеватых побега и срезала их. Под ножницами ствол деревца задрожал, и из сплетения ветвей и почек под ноги женщине упали блики света.

Хозяйка передала ветки сливы мне, и я поставила их в комнате в нише *токонома*. Мельчайшие лепестки цветов, окруженные красновато-коричневыми чашечками, источали спокойный, чуть резковатый аромат. У сливы, которую так любил Философ, были махровые розовые цветы.

Склон, на котором росла слива, внизу плавно переходил в ровный сад. Здесь росло несколько старых деревьев сакуры. Каждый год сюда приходили люди полюбоваться цветением сакуры из Ёсино, *ёсинодзакура*, или распускавшимися цветами горных вишен *ямадзакура*, высаженных на сбегавшем к морю склоне...

В прошлом году мы тоже устроили посиделки под облетавшими лепестками вишни. Рису, ожидавшая ребенка,

прогуливалась среди ветвей сакуры, ее семья угощалась нелущеным арахисом, Философ подливал вино одному гостю за другим. Так нас принимали впервые – обычно здесь играли на гитаре... И это любование цветами стало прощальным.

Когда мне позвонила жена Философа с вестью о том, что больной находится в тяжелом состоянии, я тут же примчалась в больницу, где он лежал. Несколько знакомых поочередно заходили к нему прощаться. Я остановилась у входа в палату.

У постели больного сидела его супруга в костюме светло-зеленого цвет. Больной, которому дали кислородную маску, прерывисто дышал, жена длинными пальцами тихо поправляла его седые волосы.

- А это наша матушка, - произнесла женщина, приложив губы к самому уху мужа. Тот продолжал тяжело дышать. Она назвала его уменьшительным именем и снова обратилась к мужу с той же неизменно мягкой интонацией:

- Слышишь? Матушка здесь!

В этот миг тяжело дышавший Философ глубоко вздохнул и затих...

Похоже, слова женщины все-таки дошли до сердца ее впавшего в забытие мужа. Во всяком случае, я отчетливо увидела, что на лицо Философа вернулось выражение покоя и достоинства, как в тот день, когда он под сенью цветов наливал всем вина...

Наверное, голос жены, верной спутницы на протяжении полувека, стал последним звуком, который Философ услышал в этом мире. И наверняка голос жены, сказанные ею слова стали последней

истиной из числа тех, что насыщали душу ученого, который считался первым знатоком китайской философии. Эта сцена мгновенного единения душ мужа и жены, мужчины и женщины потрясла меня. Я подумала, что после такой смерти иного упокоения и пожелать нельзя...

Испытав на себе бомбардировку 9 августа 1945 года, я тоже всеми силами искала для души и тела мира и покоя. Иногда я просила его у матери, иногда – у отца, иногда пыталась найти покой, вглядываясь в свое безоблачное детство. Но каждый миг, который я живу после того, что случилось 9 августа, я не нахожу себе места.

К спине каждой жертвы атомной бомбардировки накрепко приклеены три иероглифа - *гэмбакусё*, «лучевая болезнь от взрыва атомной бомбы». Малейшая небрежность – и эти знаки обходят тело и появляются на лице. А это значит – смерть. Я примирилась с этой опасностью и живу спокойно, с легким сердцем. Но скольких же школьных друзей я похоронила! Мои товарищи, мобилизованные ученики, погибшие на заводе во время взрыва атомной бомбы. Мои учителя. Мои друзья, умершие от неизлечимых ран. А мы, выжившие, уже встретили свой шестидесятый день рождения, и даже эта дата уже тоже ушла туда, в прошлое...

Когда, стоя на перевале жизни, я оглядываюсь назад, то вижу, что на пути от подножия до этого перевала стоит великое множество моих школьных друзей. Девочки с короткими стрижками. Одноклассницы, которые после нескончаемых операций покидают этот мир - по трое-четверо каждый год. А я и сейчас стою на перевале, открытом всем ветрам, и смотрю на дорогу, по которой

сломя голову примчалась сюда. Да, я долго бегу по этой дороге, и даже божеству смерти по имени «9 августа» сбить меня с ног не удалось.

В последней книге Огава Кунио «Библия и эсхатология»⁵ есть такие слова: «Я выиграл у смерти бегством». Когда я их увидела, то вскинула руки вверх и на всю комнату закричала: «Вот это да!» (хотя, быть может, автор вкладывал в них совсем другой смысл?)

Я сейчас жива только потому, что не разжигаю тлеющие угольки смерти от 9 августа, а, вообще говоря, отстранилась от них. Раз мне было позволено дожить до сегодняшнего дня – это уже хорошо...

Но, огласив воздух криками радости, я сказала себе «хватит!» и покачала головой. Я что, хочу вызвать чьи-то аплодисменты? И потом – что, собственно, «хорошо»? Что было действительно хорошо, сказала я себе, так это то, что я тогда не попала в «потенциально смертельную зону», до которой было рукой подать. Само сокращение ожидаемой продолжительности жизни есть результат некоего взаимодействия, диалога между атомной бомбой и человеком. Я прожила долгую жизнь только потому, что избегала разговоров о «потенциально смертельных зонах» и «допустимых дозах радиации», полученных 9-го числа. В результате страх смерти, вызванный мыслями о том, что случилось 9 августа, ослаб у меня на 99 процентов, и только потому я и прожила такую долгую жизнь...

Доведя свои размышления до этой точки, я остановилась в изумлении. Выходит, что впереди у меня старость, старческое уродство, и, в конце концов, смерть – смерть, о которой я пока даже не думала.

Я как простой, обыкновенный человек, человек активный (а я именно такова) – в конце концов умру просто от старости. И что же, мне теперь нужно радоваться, считать это за благо? Нет, такого уговора не было!..

Как *хибакуся*, то есть человек, испытавший на себе атомную бомбардировку, я жила нацеленная на то, что умру от последствий этой бомбардировки. Даже сами разговоры о том, что в смерти можно выбрать какие-то варианты, были для меня непозволительной роскошью. Однако через полвека, когда исходный импульс иссяк, оказалось, что мне придется выбирать более чем из двух карт. И это обстоятельство меня крайне озадачило.

...Это случилось более десяти лет тому назад. Весной 1988 года в одном американском университете я рассказывала о том, что пережила 9 августа. Собралось человек пятьдесят преподавателей и аспирантов этого университета. После того, как разговор закончился, одна женщина-ученый встала, чтобы задать мне вопрос:

— Вот Вы обеспокоены генными проблемами. Но ведь между ядерными взрывами и мутациями генов нет никакой связи. Знаете ли Вы об этом? И если знаете, то что об этом думаете?

Выслушав перевод вопроса, я в изумлении застыла. И дело было не в том, чтобы быстро найти ответ на вопрос о генах. Просто точного ответа на этот вопрос пока не найдено. Есть ученые, которые считают, что проблема есть, есть люди, которые считают, что ее нет, наконец, есть такие, для которых этот вопрос остается неясным. Но если ты ученый, то разве ты не должен считать неясное неясным? Тем более, такой

темный вопрос, как влияние радиоактивных веществ на человеческие гены...

- Если это так, то я очень happy, счастлива, - ответила я и села.

Слышавшие вопрос женщины-исследователя преподаватели приглушенно заговорили, несколько человек обступили ее и начали что-то обсуждать. Я не понимала содержания разговора, но в нем были и накал, словно у дискуссии группы ученых, и любопытство, как у сгрудившихся в стаю мелких рыбешек. Основой полемики, по-видимому, были полные уверенности слова женщины-ученого. Мне же, во всяком случае, стала понятна логика страны победителей. Ведь если то, что говорит эта женщина – правда, то чем была моя жизнь вплоть до сегодняшнего дня? Разве не получается так, что я прожила не настоящую жизнь, а жизнь комедианта, клоуна? Тогда я впервые всерьез подумала, что в таком случае впору требовать от Соединенных Штатов Америки компенсации за такую мою жизнь...

Похоже, ожидание новой разновидности смерти появилось как увертка, с помощью которой я надеялась обмануть прошлое, тогдашние выводы ученых. У меня *был* характер *хибакуся*, жертвы атомной бомбардировки. Я считала, что раз судьба в тот день подбросила мне черную карту, то я и умереть должна предписанной мне смертью.

Теперь же мне пришлось стать лицом к лицу с новой реальностью, и когда я представляла себе собственную смерть от старости, то меня охватывал ужас. Как они поладят между собой, смерть предреченная и смерть новая? Не хочу казаться смешной – смерть она и есть

смерть. Но ведь и к мысли о том, что я умру из-за 9 августа, я привыкала полвека...

В ясный солнечный день я сидела за столом и смотрела в синее небо, но предавалась печали о другом дне, дне своей кончины, когда унылый летний дождь будет бить в стеклянные двери коридора. Меня снова занимали мысли о том, что я умру от старости. Нужно что-то делать. Но что?..

Было это летним рассветным утром. Я продолжала дремать, когда в мое сознание проник свежий аромат. Он чем-то напоминал аромат розовой сливы, которую так любил Философ.

- Что это за аромат? – спросила я сквозь сон.

- Это *хамаю*, - ответила какая-то женщина. Она говорила на диалекте моего родного Нагасаки. Услышав этот хриплый женский голос, я сразу его вспомнила...

- Зацвела уже, на свету-то! - одобрительно сказала женщина.

- Кана, ты? – позвала я женщину и стала ждать ответа. И пока ждала – проснулась. Повернувшись на голос, который во сне сказал мне «Это *хамаю*», я увидела нишу *токонома*. Именно из нее плыл к моему изголовью цветочный аромат. А в бледно-лиловом предрассветном сумраке неясно колыхалась множество белых цветов. Это были венчики *хамаю*...

Хамаю, или кринум, – это одно из растений, которое зацветает в праздник *хиган*.⁶ Оно похоже на фрезью,⁷ только имеет еще более узкую и вытянутую форму. Нежные цветы *хамаю* во множестве выстреливают прямо из

ровного и гладкого стебля, словно огни фейерверка.

Хамаю цвели у меня и в прошлом году, и в позапрошлом... Несколько лет назад Кана приезжала ко мне домой отдохнуть. Обойдя мой маленький садик, она указала на одно место и сказала, что здесь нужно посадить цветы. Возвратившись домой, Кана, как обещала, выкопала кринусы-*хамаю*, которые росли в садике у ее дома на южном японском острове, и прислала их мне. Цветков *хамаю* было два: один - розовый, другой – чисто белый. Растения были завернуты в обильно пропитанные водой местные газеты. Как мне и было сказано, я выкопала глубокие, больше 50 сантиметров, ямки, набросала в них опавшие листья и собранные на кухне обрезки овощей и только потом высадила туда *хамаю*.

- Если все сделаешь так, как я тебя учила, то они вырастут здоровыми и крепкими, - учила меня мне Кана.

Кана – это моя одноклассница. Мы обе *хибакуся* - люди, на которых сбросили атомную бомбу.

Против всяких ожиданий, даже в моем маленьком садике *хамаю* благополучно развернули свои листья и затем росли как им заблагорассудилось. «Совсем как ты», - сообщила я Кана при случае. Она с довольным видом улыбнулась: «Чистота и цветы – это для меня как дети!»

Растения с каждым годом становились все толще, и постоянно радовали меня цветами. Сначала луковицы выпускали вверх по одному стеблю, потом на конце каждого из них появлялось по бутону, похожему на кисточку для письма. Большие бутоны были покрыты тоненькой бледно-зеленой кожицей.

Кожица лопалась, и появлялся сначала один цветок, затем еще один – и так несколько цветов за день. В бутонах не было ничего привлекательного, но кипенно-белые цветы, буйным цветом распускаясь под лучами летнего солнца, были свежи и ярки, словно лицо Кана.

В позапрошлом году одна из луковиц впервые выпустила два гладких стебля, на которых расцвело множество цветов. Розовая *хамая* цвела все лето, но совсем потеряла форму. Когда я сообщила об этом Кана, то та бодро сказала «Пришлю еще!».

- Если хочешь подольше наслаждаться такой красотой, - говорила мне Кана, - то тогда не срезай цветы, как в песне, «пока не поблекли алые губки». ⁸ А вот когда из одной луковицы пойдут два стебля, да зацветут... Вот тогда в самой поре, в красоте самой их и срежешь!

Вспомнив о том, что говорила подруга, я в тот год впервые срезала эти цветы...

Более чем днем, мне нравится любоваться цветами *хамая* в предраассветных сумерках. В постепенно светлеющей комнате их аромат особенно прекрасен...

В январе прошлого, уже прошедшего года мне позвонила Кана.

- Умер Рёсукэ... - Произнося имя мужа, Кана глубоко вздохнула. – Сегодня седьмой день... ⁹

- Да, печально, - я попыталась ее утешить.

- Печально, - ответила Кана, - но зато он обязательно попадет в рай...

Примерно через месяц я сама позвонила Кана. Вместо нее ответил механический, записанный на пленку голос, который сообщил, что этот номер не обслуживается. У Кана и ее мужа было два разных номера. Я позвонила на телефон, который стоял в комнате покойного Рёсукэ. Он тоже не обслуживался. В доме у Кана было две или три помощницы. Даже если она совсем ослабла и легла в больницу - кто-то должен был об этом знать. Может, и этих людей тоже нет дома? Я звонила еще несколько раз – результат был тот же...

До сих пор Кана всегда была со мною рядом – стоило только позвонить. Всегда, кроме одного злосчастного летнего дня... Как-то внезапно все это произошло... Детей у Кана и ее мужа не было, ее родители давно умерли. Была еще дочь, но ей не позвонишь...

Никто из моих одноклассников тоже не знал, куда подевалась Кана. Родители Кана были состоятельные люди, поэтому она воспитывалась в роскоши и привыкла жить на широкую ногу – и вот теперь куда-то исчезла... Каждый год с наступлением августа на нее, как и следовало ожидать, нападала меланхолия. Однако когда лето проходило, то ей тут же становилось лучше, и из телефонной трубки доносилось бодрое «Всё хорошо!». Связи с Кана по-прежнему не было, а листья *хамая* с приближением лета становились все более мощными. Наконец, прошел слух, что Кана заболела, что она будто бы лежит в больнице и якобы не хочет никого видеть. Слух прошел, но проверить, верен ли он, не было никакой возможности... Может быть, опрос прежних сослуживцев даст какую-то зацепку? Я поговорила с однокашницей, которая была дружна с Кана. «Может, ей

просто дома стало не по себе? - сказала та. – Зная ее характер, думаю, лучше ее попусту не искать! Она, видать, подумала-подумала да и что-то решила... А потом позвонит неожиданно, как всегда».

Когда я думаю о Кана - капризной, выросшей в окружении прислуги, - то с грустью понимаю, что с ее характером действительно ничего поделать нельзя ...

Как-то раз в глубокой меланхолии Кана она ночевала у меня дома. Вечером, когда я пожелала ей спокойной ночи и стала закрывать перегородку-*фусума*, Кана закричала: «Не закрывай! Мне страшно!». И, похоже, она испугалась всерьез...

«Может быть, она потому и не звонит?» - гадала я. Но разве Кана раньше не впадала в меланхолию? Разве друзья не помогли бы ее вывести из этого состояния?..

Когда я представляла, как она лежит в больничной кровати, одна, без гостей, - то у меня мучительно сжимался комок в горле. Мы не были с ней особенно близки, но наши жизни переплелись корнями 9 августа. Из этих корней выросло полное переживаний детство, потом девичество, замужество, материнство. К тому времени, когда мы стали женщинами, нас уже подстерегали новые испытания. Настоящие *хибакуся* всю жизнь проводили под страхом болезней, которые называют рассеянными или вялотекущими. Мы легко уставали, и потому всегда возникал вопрос: если женщина-*хибакуся* вышла замуж, то сможет ли она жить с мужем и его семьей? И даже если, паче чаяния, это казалось возможным, то что из того? Все равно впереди маячил постоянный страх... И потом – а если женщина

захочет стать матерью? Сможет ли она родить здорового ребенка? Тревоги, тревоги...

Кана выбрала свой путь – она рожать не стала. Я же родила ребенка. Да, я родила, Кана – отказалась от этой мысли. Мы выбрали разные дороги, но когда речь шла о девятом числе или об одиночестве, то все различия между нами исчезали. Поэтому поступок Кана после ухода Рёсукэ нашел отклик в моей душе. Не могу сказать, чтобы это был совсем уж нелепый выбор. Может быть, когда-нибудь я тоже спрячусь там, где меня никто увидит... Совсем по-детски... Может быть, она где-то злится на то, что ничего не поделаешь и придется буднично встретить свой последний день. А, может быть, брюзжит на мир здоровых людей.

В возрасте около пятидесяти лет я очень хотела вернуться в те времена, когда была просто ребенком своих родителей. Да, мне очень хотелось снова стать маленькой, неполовозрелой девочкой. Это случилось со мной в том возрасте, когда женщина утрачивает способность рожать, когда ее беспокоит утрата принадлежности к своему полу, но он все равно дает о себе знать. А пришедшее с течением жизни желание вернуться к тому времени, когда ты была бесполом существом, может сублимироваться в настоящее желание побыть одному. Да, наверное, это было именно непреодолимое желание... В поступке безвозвратно скрывшейся Кана я теперь почувствовала что-то доселе мне незнакомое: наверное, и она задумалась о том, что есть жизнь...

Все эти размышления и привели меня к мысли совершить паломничество по буддийским храмам.

Да, именно так! Стану паломницей! Как

только я приняла это решение, на душе сразу посветлело, в ней забурлила надежда. Вспомнилось, как в детстве по утрам перед экскурсиями душа иногда просто пела... Захотелось пойти по ярко освещенной дороге, и чтобы звенели колокольчики на рюкзаках...

У меня нет веры ни богам, ни религии. А о паломничестве я подумала потому, что вспомнила слова Кана, которая в день своего 60-летия предложила:

- А давай когда-нибудь совершим паломничество по храмам!

- Ненавижу запах благовоний, - отрезала я.

- Ну тогда не будем заходить внутрь. - Кана уже все решила. - А еще ты будешь толкать мою коляску!

...Лучшая пора весны на наших островах. Мы совершаем паломничество. Я толкаю коляску, в которой сидит Кана, по какой-то полевой дороге. На узкой тропинке среди цветов сурепки наши глаза начинают блестеть, словно в детстве, когда мы были школьницами. Под порывами ветра Кана перелистывает сборник «Любимые песни школьниц» - и поет. Петь она умеет.

А еще, наверное, она будет во весь голос петь свой любимый гимн нашей школы. Гимн, воспевающий родную школу, пели на линейке перед началом занятий. Его пели в то утро, когда объявили мобилизацию. Школьный гимн исполняли после поражения в войне и на церемонии памяти погибших...

Да что говорить, если даже во время нашего последнего телефонного разговора Кана вдруг неожиданно высоким тоном запела школьный гимн...

Похоже, на то, что она широко открывала рот, потому что ее блестящий голос звучал совершенно свободно. Я заслушалась...

- Ты тоже пой! - приказала Кана.

...Я перешла к ним из другой школы и не умела петь гимн правильно. Когда я его спела впервые? Может, на линейке по случаю мобилизации?

Я стала потихоньку, шепотом подпевать, и скоро во мне воскресла душа той маленькой девочки. Теперь мы пели хором: я - здесь, а она - вдали, в телефонной трубке...

- Печали и горести уходят из жизни, и на душе теплеет, если поешь школьный гимн, только когда этого хочешь, - вдруг неожиданно сказала Кана. И так же внезапно добавила: - Ну все, хватит. Заканчиваем! - И бросила трубку...

Я думала, что, как и тогда, мы будем вместе идти путем паломников, я буду подпевать Кана, а та будет осыпая меня упреками за то, что я не знаю слова гимна. И будет на том пути мир и покой, совсем как в нашем школьном детстве, когда не знали мы о 9 августа. Да, это был бы прекрасный конец человеческой жизни! Предавшись таким мечтам, я решила, что именно там, на ходу, я упаду и закончу свою жизнь. Наполовину всерьез, наполовину в романтическом опьянении - но я согласилась совершить паломничество, толкая перед собой коляску с Кана.

- А, главное, я подберу себе белые одежды паломницы, - сказала Кана. Она была известной франтихой.

- Ну уж не из белого же шелка! - сказала я.

Кана бросила на меня жесткий взгляд:

- Я буду освобождаться от привязанности к этому миру постепенно, - отчеканила она. - Для того и хочу совершить паломничество. – Похоже, она на самом деле так думала.

Впрочем, если идти по храмам одной, то лучше, наверное, в повседневной одежде... Пойду-ка я в своем обычном виде, только в рюкзак положу японскую салфетку с надписью «Эдо коута», которую мне подарили на церемонии присвоения Кана артистического имени. И буду ставить печати храмов на эту салфетку.

Взвалив салфетку Кана себе на плечи, я, таким образом, смогу выполнить наш уговор. Итак, откликнувшись на веление своего сердца, я начала собираться в паломничество...

За то время, что я пишу эту книгу, пришли печальные известия о смерти двух моих друзей. Одна из них скончалась в прошлом году на три дня раньше другой. Оба были тяжело ранены тогда, 9-го...

Это были мои подруги по школе. С 1957 года, то есть с 32-го года периода Сёва, и до сегодняшнего дня они продолжали ухаживать за жертвами бомбардировки в местной ассоциации *хибакуся*. Благодаря их самоотверженным усилиям у скончавшейся в прошлом году А-ко признали лучевую болезнь – признали, кажется, месяца за два-три до ее кончины. А ее подруга, которая не смогла помянуть А-ко на седьмой день, умерла, пока рассматривали ее ходатайство...

Друзья из ассоциации *хибакуся*, которые ухаживают за больными, со слезами в голосе говорили, что она не попала на обследование, которое раз в квартал проводит Министерство здравоохранения, труда и благосостояния... И дело здесь не в возможности получить пособие. Вопрос не в деньгах. Без соответствующего диагноза люди, чья судьба связана со слезами, днем 9 августа и *хибакуся*, не попадают даже в статистические данные о последствиях бомбардировки. Зачем эти женщины так мучались?..

24 года назад, в 1975 году, я написала книгу под названием «Пляска смерти».¹⁰ В ней описывается положение в Нагасаки 9 августа 1945 года, то есть 20-го года периода Сёва. С того лета, когда я была ученицей третьего класса женской гимназии, тогда минуло 30 лет.

В начале той книги я процитировала письмо с предложением о капитуляции, которое было вложено в зонд, сброшенный с бомбардировщика Б-29 для наблюдения над ударной волной и другими последствиями взрыва атомной бомбы. Цитирую это письмо еще раз по каталогу выставки «Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки», выпущенному отделом планирования компании «Асахи симбун».

«Профессору Рёкити Саганэ

Штаб американского командования по атомным бомбардировкам

9 августа 1945 года.

От трех ученых - знакомых г-на Саганэ времен его пребывания в США

Мы направляем Вам это личное письмо с целью побудить Вас как выдающегося физика-атомщика приложить усилия для

того, чтобы убедить Генеральный штаб японской империи в том, что японский народ пострадает от серьезных последствий, если Япония будет и впредь продолжать эту войну.

(В «Пляске смерти» следующий абзац от слова «Вы» до слов «Вашей страной» был опущен. – Прим. автора)

Вы уже несколько лет как осведомлены о том, что атомную бомбу можно достаточно легко создать, если страна готова заплатить гигантскую цену за изготовление необходимых материалов. Сейчас, когда Вы знаете, что в Америке уже существуют заводы по производству (компонентов атомных бомб), у Вас не должно остаться никаких сомнений в том, что вся продукция этих заводов, которые работают 24 часа в сутки, будет взорвана над Вашей страной.

Всего лишь три недели назад в пустынном районе США прошли первые испытания атомной бомбы. Одна бомба была сброшена на японский город Хиросима, еще одна, третья, атомная бомба была взорвана сегодня утром. Мы призываем Вас донести эти факты до руководителей Японии и просим Вас приложить все усилия для того, чтобы остановить напрасные людские потери и разрушение всех городов в Вашей стране, которые будут иметь место, если эта война продолжится.

Как ученые мы сожалеем, что наше выдающееся научное открытие нашло подобное применение. Однако вместе с тем мы со всей определенностью заявляем, что если Япония немедленно не капитулирует, то в этом случае падающий на нее дождь из атомных бомб станет во много раз более яростным».

Позднее один из этих ученых, доктор

Альварес, ¹¹ подписал это письмо следующим образом: «Моему другу г-ну Саганэ. 22 декабря 1949 г. Луис У(олтер) Альварес». В пояснении указывается, что после войны, в 1949 г., доктор Альварес приезжал в Японию. Тогда-то и он и оставил на письме эту надпись.

Интересно, с какой целью это доктор приезжал после войны в Японию? Зачем, в конце концов, поставил свою подпись в письменном предостережении, адресованном профессору Саганэ?

Что же касается листка с предостережением, сброшенного на наши с Кана головы, то меня сейчас осенило одно предположение, до которого я не додумалась 24 года назад.

В словах «еще одна, третья, атомная бомба была взорвана сегодня утром» не названо место бомбардировки. Уже отсюда возникает чувство, что бомбардировщик Б-29 плывет по небу как сама судьба, и в поисках просвета в облаках ее перст указывает то на Кокура, то на Хаката, то на Нагасаки... И в конце концов это, безусловно, «выдающееся научное открытие» ученых обрушивается на города Хиросима и Нагасаки. Остается только представить себе выражение лица того «доктора», который сначала написал предостережение со словами «остановить напрасные людские потери и разрушение всех городов», а потом подписал эту бумагу. Скорее всего, его лицо выражало самонадеянность: как же, он поставил точку в войне на Тихом океане!

Впрочем, когда сегодня, в конце XX века, читаешь о закулисных сторонах войны, завершившей первую половину этого века, то история с этим угрожающим предостережением вызывает лишь горькую усмешку...

«...В пустынном районе прошли первые испытания атомной бомбы», - написано в письме. Первое в мире испытание ядерного оружия прошло на полигоне Тринити в Аламогордо, штат Нью-Мексико. Летом 1945 года время в мире было проведено только три взрыва с использованием оружия, которое можно назвать ядерным. Из этих взрывов два были взрывами плутониевых бомб: Один из них был испытательным – его провели на территории штата Нью-Мексико, занятого водными и обширными пустынными пространствами. Оставшуюся плутониевую бомбу сбросили на Нагасаки. Единственную изготовленную к тому времени урановую бомбу сбросили на Хиросиму. Плутониевая бомба, сброшенная на Нагасаки, как говорят, была предназначена для того, чтобы сдержать Советский Союз, а также экспериментально выяснить, какой силой поражающей силой обладает бомба с плутонием, который называют «королем ядов». Почему бомб было одна и две, разных видов? Почему и на Хиросиму, и на Нагасаки не сбросили плутониевые бомбы? Или урановые? Может быть, потому что Хиросима и Нагасаки были выбраны площадкой для сравнительных экспериментов?

Двадцать один день прошел от испытания на полигоне Тринити до 6 августа, до Хиросимы. Та часть письма, которую я сократила в «Пляске смерти», переполнена насилием; это показывает, что и в великой американской державе все было поставлено с ног на голову. Такое же впечатление остается, если на минуту отстраниться от того, что случилось 6 и 9 августа, и прочитать эти советы объективно и беспристрастно. Когда я двадцать четыре года назад писала об этом, у меня мороз пробежал

по коже. И с тех пор ничего не изменилось. Особенно берегут душу слова *«дождь из атомных бомб станет во много раз более яростным»* ...

«Ну конечно, - писала я в той своей повести, - они ведь сыны божи, им позволено преисполниться гнева». Нельзя сказать, что в то время я сознательно представляла себе их бога, скрытого где-то в глубине текста письма. Я просто подумала, что мне не следует затрагивать божественную природу их гнева, тем более что в тексте той записки-предостережения не было слова «бог». Но если существуют создания, которые могут «в ярости» обрушить на головы таких же, как они простых людей, вспышки света и нестерпимый жар, какие в обычной жизни и представить себе нельзя, - то в этих сущностях, наверное, должно быть что-то от богов...

Я попыталась вспомнить, как в то лето я стояла на вершине холма в районе Мацуяма. Мацуяма стал эпицентром взрыва атомной бомбы; она была взорвана как раз над этим районом на высоте около 500 метров. Я находилась на оружейном заводе на расстоянии 1.4 км от места взрыва, на оружейном заводе компании «Мицубиси». Кана работала в другом месте. Всего под удар бомбы попали 324 мобилизованные ученицы нашей школы.

Зафиксировано, что взрыв произошел в 11:02. Я работала в мастерской по переработке макулатуры, находившейся в деревянном бараке. Выбравшись из-под обломков обрушившегося барака, я побежала вслед за остальными людьми. Бежали мы к месту взрыва. В то время мы, японцы, за исключением очень небольшой части людей, не знали страха перед этим новым типом бомбы. Я перебралась через реку Ураками-гава и

поднялась на холм, перешагивая через мертвых и раненых, лежавших под ногами. Когда я поднялась на самый верх террасных рисовых полей в Мацуяма, было, наверное, часа два.

Если подумать: зачем в тот день меня потянуло к месту взрыва? Случайно? Сегодня это кажется странным... Не думаю, что в этом был божий промысел, но ведь там были и пути для отхода... А, может, еще до моего рождения было замыслено так, что этот человек должен будет пойти именно по этой дороге... Так или иначе, когда я сегодня размышляю о том, что это случайность повлекла меня в сердце наибольшего зла нашего века, то в глубине души тут же возникает чувство, что в этом был умысел судьбы. Злой умысел, непостижимый для человеческого разума: всеми силами стараться заманить меня в самое сердце атомного взрыва.

Забравшись на самый верх рисовых террас, я бросила взгляд на Мацуяма. Во всем районе не осталось ни домов, ни людей. Ни единого движущегося предмета, только один огромный пустырь.

Присев на сухом, потрескавшемся рисовом поле я сложила ладони и стала молиться: «Боги и будды, помогите мне, пожалуйста!» Снова и снова я повторяла запомнившиеся мне молитвы, которые твердили перед сном отец с матерью: «Славься, Будда Амида!», «Славься, Сутра Лотоса Благого Закона!»¹²

Говорят, что перед лицом смерти человек в словах молитвы обращается за помощью к богам и буддам, которые живут в его душе. Стоя на вершине холма, я молила о помощи мириады японских богов, но не призывала ни Христа, ни милосердную Деву Марию. Но были среди нас люди, которые, сложив

обожженные руки, взывали о помощи к Отцу Небесному. Были и такие, кто пел ему осанну...

Ирония судьбы состояла в том, что эпицентр взрыва оказался вблизи католического собора, вокруг которого жило много христиан. И эти израненные люди, распростершись на земле, поддерживали себя молитвами.

Фигуры истово молящихся людей впечатляли, но я вместе с ними молиться – или каяться – не смогла. Видно, во мне по-прежнему пребывала частица сущности Будды и продолжали жить наши природные, японские боги, которые всегда придут на помощь, стоит только протянуть руку – а я об этом даже не подозревала... Как говорится, лучше четки из нефрита, чем розарий¹³ из золота... Эти сущности, успокаивающие душу и уводящие ее на тот берег бытия, в мир вечного покоя, явились мне потом в больничной палате Философа...

В задуманное мною паломничество я решила взять всех, кто покинул тогда район Мацуяма. Одноклассниц моих 14-15 лет, что толкаются и шумят у подножия горы – они все погибли при взрыве. Кёко, Миэ и других – они замертво упали в разных местах дороги, ведущей к перевалу. Какую-то проститутку – кто она и откуда, я не знаю. Всех их соберу и пойдем обходить храм за храмом. А впереди, конечно, Кана...

Кроме мыслей поскорее начать паломничество, были у меня и другие. Я вспомнила, как два года назад, поздней осенью, в Японию вернулась моя подруга Ёсико, которая жила в Америке. Мы давно не виделись, и потому долго бродили по городу, наслаждаясь атмосферой токийских улиц. Смотрели кино, пили чай на травах, который Ёсико

очень любит, сидели в парке на скамейке и болтали... После ужина в ресторане на верхнем этаже высотного здания мы расстались. Город погрузился во тьму. Настроение у меня было прекрасное. До токийского вокзала, с которого я уезжала, оставалась одна остановка на метро. Я решила пройти пешком.

Я шла по улице, наслаждаясь цоканьем туфель на высоком каблуке, когда в левом колене что-то хрустнуло, и ногу пронзила боль. Впрочем, это была не такая боль, чтобы обращать на нее внимание. Я, не останавливаясь, продолжала идти вперед. Боль стихла.

Я живу в маленьком городке на берегу моря. Платформа, с которой уходят поезда до нашей станции, находится в подземной части токийского вокзала. Работал эскалатор, но на платформу можно было спуститься и по обычной, не очень длинной лестнице. Как обычно, я начала спускаться по ступенькам. На полпути стихшая боль возникла снова и стала сильнее, чем прежде. Я дала ноге отдохнуть, два-три раза растерла коленную чашечку и только потом протянула ногу к следующей ступеньке... Мне казалось, что пока я спускалась по лестнице, нагрузка на ногу увеличилась раз в семь. Я не сильна в таких расчетах, но в данном случае из моих 42 килограммов получалось примерно 290. Определенно, избыточный вес... И вся эта немыслимая тяжесть обрушивалась на коленную чашечку и пронзала ее острой болью. Сначала боль была в одну точку, но потом охватила целый участок вокруг коленной чашечки. Раздался отчетливый скрип – казалось, это скрипят толстые стальные шестерни, у которых высохла смазка. Теперь острая боль сотрясала все тело.

Но что ударило меня сильнее боли – так

это осознание собственной старости. Да, выходит я перешла черту и попала в категорию «лиц преклонного возраста». И потому нечего жаловаться – старость есть старость. Да, но ведь по духу я – та же самая школьница! Всего пару часов назад мы с Ёсико расстались, расхваливая друг друга за то, какие мы молодые.

Но посланный из организма сигнал недвусмысленно предупреждал о старости. Я содрогнулась. Ладно там морщины в уголках глаз или обвисшая, как у курицы, кожа на подбородке – пусть будут! Но самое ужасное – когда-нибудь наступит такой день, что я не смогу ходить! Настоящая старость приходит, когда сжимается жизненное пространство и происходит самое худшее – ты не можешь исполнять свои желания...

Нет, пока я могу ходить – нужно совершить это паломничество! Желание отправиться в путь «когда-нибудь» сменилось во мне решимостью выйти «как можно быстрее».

Спустившись по каменной лестнице храма, мы решили пообедать в ближайшем парке. Парк располагался на холме, похожем на песчаный кулич. Весь парк был засажен деревьями, защищавшими его территорию от ветра, и лишь в самом центре находилась площадка, засыпанная красноватой землей. Это был какой-то то ли городской, то ли деревенский парк, в котором стояли крепкие деревянные столы и стулья – наверное, для того, чтобы родители с детьми могли устраивать здесь пикники.

Однако только мы устроились на стульях, как на нас сразу же обрушились комары.

На каждую руку или ногу кинулось по 7-8 особей, которые тут же задрали вверх свои пестрые черно-белые зады и стали пить нашу кровь. Молниеносная атака!

Ветер здесь тоже дул гораздо сильнее, чем на вершине горы.

- Ой, - вдруг воскликнула F, приглаживая растрепавшиеся волосы. – Вспомнила! Вот это да! - Если бы я не поднялась в этот храм, не увидела внизу море, то ни в жизнь бы не вспомнила, как приходила сюда с родителями!

- А что напомнило? Соленый ветер? – спросила T.

- Да нет, просто вдруг сами родители как-то в душу проскользнули, - ответила F. – Хорошо так стало! – Ее глаза потеплели.

Я достала из рюкзака салфетку Кана и расстелила ее на шершавом, изъеденном ветрами и дождями столе. На ткани стояли отметки, полученные в двух храмах. Я ожидала, что их будут писать кистью, но на ткани стояли лишь оттиски печатей, сделанные черной тушью и красной штемпельной краской. Чувство благодарности во мне сжалось и поблекло, но уважение к богам, тем не менее, выросло. Я положила на углы бившейся на ветру салфетки четыре камешка, после чего тихо, так, чтобы меня не услышали, начала читать отпечатавшиеся на ткани иероглифы - имя бодхисатвы.¹⁴ И стоило мне заговорить, как я сразу почувствовала близкое присутствие будд и бодхисатв... Я была удовлетворена началом своего паломничества. Не беспокоило даже то, что незадолго до начала паломничества скончался мой наставник. Сложив руки, я обратилась с молитвой к тем, кто стал выше людей, кто уже пребывает на небе.

Я молилась о Кана, о девочках, об учителе...

Ну все, пока хватит...

- Серьезно подготовились, - заметили девушки, увидев салфетку с красными печатями.

На развернутой салфетке показался муравей – обычный темно-бурый муравей, каких можно видеть летом по обочинам дорог. Он добежал до иероглифов красной печати, стоявшей у левой кромки салфетки, остановился, поднял усики, наклонил голову и стал ощупывать все вокруг себя. Он проверил участок ткани, затвердевший от штемпельной краски и впитавший ее запах, и лишь потом двинулся вперед. Я поставила у него на пути палец. Почувствовав вибрацию, муравей остановился. Я перестала водить пальцем. Муравей двинулся вперед. Я снова поставила на его пути палец. В ответ на продолжение издевательств муравей свернул со своего пути и попытался обойти палец. По положению и по силам мы с муравьем различались, как небо и земля. Когда муравей схитрил и пошел в обход, я осторожно взяла его в щепоть, подняла и, стараясь не раздавить, посадила на черную печать с иероглифами «Сэй Кандзэон Босацу» - «Пресвятая Бодхисаттва Каннон». Вокруг шести черных иероглифов пылал ореол из красной штемпельной краски. Оказавшись на огненно-красном участке печати, бурый муравей как-то согнулся – наверное, я причинила ему боль, когда взяла его пальцами. Я ждала, когда муравей двинется дальше. Но он только изогнул тельце, которое теперь напоминало надломленную ветку или знак «ку» японской слоговой азбуки хирагана; и изредка подергивал лапками. Муравей напомнил мне актрису, которая

играет в медленном темпе на сцене без декораций в театре одного актера – однажды я смотрела такую пьесу в маленьком театре. Актриса едва не выбегала в зал, к сотне зрителей, которые в полной тишине, затаив дыхание смотрели, как она выплескивает на них свое одиночество...

Если аккуратно переписать всех людей, которым данный человек за свою жизнь кивнул, с которыми он был знаком, которым он с поклоном пожелал «Счастливого пути!», и, наконец, тех, кто был ему близок и кому он открыл душу, – то, их, наверное, наберется несколько тысяч человек. На моем жизненном пути тоже встречалось множество людей. Но при этом я иногда замираю в оцепенении и говорю себе: «Опять я играю, как в театре одного актера! Разве не так?» В поведении муравья, который непрерывно следил за тем, что я делаю, взаимодействовал со мной, тоже было что-то от театра одного актера, от сиюминутной игры в жизненное одиночество.

Да, вид муравьишки, который в своем маленьком мире продолжал сучить лапками, немало расширил пределы моего воображения...

Набежало облако. С края поляны к нам двигалась тень. Скоро она упала на лежавший передо мной платок и двинулась по нему дальше – казалось, в небе кто-то задерживал занавеску.

- Поговорим во тьме, – раздался из тени женский голос. Муравей окончательно превратился у меня внутри в актрису, играющую на сцене театра одного актера... Наконец я изгнала из себя ту женщину, что вместе со мной распоряжалась частью моей жизни, в которой я ни часа не была собою

довольна...

- Поговорим во тьме ... - Голос женщины, которая произнесла эти слова, я тоже взяла с собою в паломничество. Эта женщина встретила мне случайно, кто она и откуда – я не знала.

- Скажите, а почему *хибакуся* рассказывают обо всем, вплоть до таких личных вещей, о которых другие люди обычно не говорят? – задали мне вопрос девушки из отдела информации телевизионной компании.

- Потому что они – *хибакуся*, - ответила я.

- Рассказывают, потому что они – *хибакуся*? Но почему?

- Не знаю, - ответила я. – Может, потому что ничего более важного в их жизни нет. И в жизни, и в смерти, и в несчастной любви они остаются *хибакуся* – вот почему. Говорят ли они, молчат ли... Впрочем, в последнее время о том, что случилось 6-го или 9-го августа, стали рассказывать и те, кто раньше молчал. Душевные раны, которые они получили, слишком глубоки, чтобы так просто зарубцеваться.

Та женщина, что проговорила «Поговорим во тьме» тоже, наверное, хотела услышать о том, что лежит у нее на душе. Ей понравился незнакомый человек, вот она и захотела ему что-то рассказать. А ко мне обратилась случайно, потому что я сидела рядом.

... Было это четыре или пять лет тому назад. Я приехала в свои родные места, в Нагасаки. Скрываясь от полуденного солнца, я поехала на трамвае в парк, разбитый в эпицентре взрыва, вечером,

когда уже начали загораться уличные фонари. В этом парке каждый год утром 9 августа проходят траурная церемония и молитва о мире.

Церемония уже закончилась, но в парке еще царил возбужденная атмосфера, как это бывает после торжественного события. Поднявшись по каменной лестнице, я вышла к фонтану, обошла окутанный полумраком пруд, а потом подошла к Памятнику Мира. Тенты и стулья, стоявшие на площади, уже убрали, но перед памятником еще горели поминальные курительные палочки. Здесь было немало людей – спасаясь от полуденного зноя, они тоже специально пришли сюда уже после церемонии. Подойдя к памятнику, я посмотрела в лицо громадной статуе.

Когда здесь поставили эту фигуру, мне не понравились ни могучий торс статуи, ни ее руки и ноги с выступающими рельефными мышцами.

Покойный Философ говорил, что ваяние фигуры, перед которой будут молиться о мире, нужно было поручить Пикассо – тому Пикассо, который постиг боль Герники. Тогда бы моления о мире и трагедии 6-9 августа приобрели всемирный смысл, говорил он. Не знаю, прав ли он: ведь творчество Пикассо тоже переменялось с приходом ядерного века. Конечно, фреска, которая показала всему миру бессмысленность бомбардировки маленького испанского городка Герники, служит доказательством силы воздействия великого художника. Но я, вспоминая о прошлом, теперь смотрю в лицо гиганта в парке Нагасаки. Наверное, все дело во времени: дожди и лучи солнца стерли со статуи первоначальный лоск, она приобрела достойный вид и превратилась в настоящую фигуру Мира

– не бога, не Будду, не манекена. Остановившись перед памятником, я сложила руки и молча вознесла молитву за упокой души всех покоящихся здесь жертв атомной бомбардировки, а потом присела на одну из стоявших у памятника деревянных скамеек.

По площади проходили люди в траурных одеждах. Шурша галькой, люди собирались у памятника. Среди них было много пожилых. Полвека назад эти люди тоже были мальчиками и девочками.

Наверное, тогда они, как и я, тоже были мобилизованными школьниками и тоже безоглядно бежали прочь отсюда, от этой площади – только чтобы не быть объатыми вставшей над нами реальностью...

На площадь, окутанную полутьмой и дымом курительных палочек, вышла женщина. На вид – моих лет. На ней была синяя блузка в горошек и белые хлопковые брюки.

У центра площади женщина остановилась. Некоторое время она оглядывалась, потом заметила меня и направилась в мою сторону. Она подошла к деревянной скамейке, на которой я сидела, и присела на ее краешек. Она искала место для отдыха – и наконец нашла его. Уже сидя на скамейке, женщина заметила меня и склонила голову в легком поклоне. Она носила черные виниловые сандалии, а ногти у нее на ногах были покрыты оранжевым лаком, который, впрочем, спереди уже начал облетать.

- Вы кто? – спросила я женщину. В этот день в парк приходят в основном *хибакуся* либо близкие родственники и знакомые тех, кто погиб от взрыва атомной бомбы, поэтому их можно спрашивать просто «Вы кто?», без

лишних разъяснений. И они отвечают – к немалому удивлению людей с телевидения.

Но женщина в ответ на мой вопрос только едва заметно улыбнулась. У нее было круглое приятное лицо. Выглядела женщина моложаво - наверное, тоже когда-то носила нарукавную повязку школьного патриотического отряда и работала на военном заводе или в сталелитейной мастерской. От губ к правой стороне затылка у нее шла полоска белой кожи – по-видимому, след от ожога. «Коллоид?» – чуть было опрометчиво не спросила я, но вовремя сменила тему:

- Жарко было сегодня...

Женщина, видно, была неразговорчивой. Распрямив ноги, она молча смотрела на площадь. В летних сумерках темнота быстро сгущалась, но в глубине ее еще был виден неясный свет. По площади беспрерывно ходили люди, слышались их голоса.

9 августа к этому времени я уже добежала до горы, что находилась за нашей школой в районе Нисияма. А интересно, где была в тот день эта женщина? Почему она пришла сюда не с людьми, а одна? О чем думает здесь, в эпицентре взрыва?

Чем сильнее казался свет парковых фонарей, тем гуще становилась тьма. Возле памятника горела иллюминация, свет от которой дотягивался до самых наших спин.

- А Вы все время живете в Нагасаки? – вдруг спросила меня женщина. «Всё время» - имелось в виду «с того дня».

- Нет, а Вы? – в свою очередь, спросила.

Наверное, для того, чтобы ответить сразу, у женщины был слишком тяжелый характер. Я уже перестала надеяться на ответ, когда она вдруг сказала:

- А я на Кюсю, то здесь, то там...

Я про себя улыбнулась.

- А родились в Нагасаки?

- Духу у меня не хватило с Кюсю уехать, а надо было бы... - лицо женщины расплылось в улыбке, она явно смягчилась.

- Уезжать из города, в котором ты обжился – это одно беспокойство, - сказала я.

- А Вы в тот день были в Нагасаки? – спросила женщина.

- Школьников мобилизовали, и я работала на заводе в Охаси, - пояснила я.
- А Вас тоже мобилизовали?

- Мне было 16, но меня взяли на завод в Охаси, - произнесла женщина. – Работницей.

- Да на том заводе и до мобилизации много работниц было, - гладко проговорила я.

Школьницам, которые только начинали работать на заводе, больше всего нужно было опасаться подростков-мастеровых да вот таких работниц. Работницы, несмотря на то, что среди них были и наши ровесницы 15-16 лет, отличались отвратительными нравами и были нашими злейшими врагами. Похоже, они ненавидели школьников просто за то, что те находились под опекой родных и продолжали учиться. В то время в

некоторых семьях не считалось лишним каждый месяц тратить определенную сумму на девичьи радости – хотя, конечно, это были не такие деньги, чтобы считать их состоянием. С другой стороны, некоторые родители считали, что отучилась их дочь в начальной школе – и будет с нее. Иными словами, в то время в обществе сохранялась социальная иерархия, и детям было трудно выбраться из социальной среды, в которой жили их родители. Правда и то, что некоторых учениц средней школы посещали мысли об их привилегированном положении...

Тот завод, что в Охаси, был оружейным. Так мы мечтали стать работницами оружейного завода, мы им завидовали, - призналась женщина.

- Да? - Я в изумлении заглянула ей в лицо. Эти работницы мало того, что имели отвратительный нрав, они и обращались с нами ужасно. Если заводских дел и заводских рабочих школьницы просто сторонились, то работниц – боялись. Слушая площадную брань в свой адрес, мы своими юными головками думали о том, до какой же низости могут пасть люди...

Женщина, по-видимому, не поняла, почему я так удивилась.

- Девушки, которых отбирали в работницы, очень этим гордились, – сказала она. – Вот и я очень этого хотела.

И когда народ жил бедно, и когда социальная среда стала улучшаться, я сохраняла в своем характере беспечность девочки-школьницы. Сохраняю я ее и сейчас. Поэтому слова собеседницы стали для меня новым ударом: как могла такая женщина мечтать о том, чтобы стать работницей, заниматься таким

изнурительным трудом! Мне захотелось узнать, как эта женщина жила после бомбардировки. О том, как жили мои одноклассники, я уже знала: будучи рядовой жертвой бомбардировки, я после войны нагляделась на жизнь *хибакуся*, на их душевные терзания и телесные болезни. У всех моих товарищей, которых я потом встречала, после 9 августа жизнь переменялась, и в большинстве случаев – в трагическую сторону. Но я также поняла, что у наших девушек и перипетии судьбы были примерно одинаковы. Масштабы их взлетов и падений также оставались в неких рамках, определяемых их жизненным уровнем. До войны считалось естественным существование разницы в уровнях жизни представителей разных классов. И, наверное, тем, кто прожил 50 послевоенных лет и жив и сейчас от влияния этого перепада уже не уйти. Другое дело, что на людях, которые родились в период бурного экономического роста или при экономике «мыльного пузыря» эта разница уже не сказывалась...

- Может быть, выпьем кофе? – предложила я. – Здесь у трамвайных путей есть кофейня...

- Спасибо, не надо, - отрезала женщина.

- Поговорить хочется... - сказала я.

Женщина задумалась.

- Лучше в темноте посидим, - наконец, сказала она. – Поговорим во тьме...

- Ваши родители... - начала я.

- Погибли, наверное. Наш дом сгорел, я их на пепелище неделю прождала – все зря.

Как оказалось, родители девушки собирали остатки каменного угля и угольную пыль, которые выбрасывали на заводе, и ходили их продавать – топлива-то в это время не было, а так у них были заказчики в нескольких домах.

- Родителям это нравилось, и я тоже с ними работала, - пояснила женщина. -

- Эта работа каждый день приносила родителям небольшие деньги – если их только не ловили заводские сторожа. Капитал на такой торговле, конечно, не заработаешь, но какой-то доход она давала. Так, наверное, на дороге за этой торговлей родители от взрыва и погибли... Судя по тому, что до сих пор домой не вернулись, их, наверное, уже нет, - горько усмехнулась женщина.

Саму женщину взрыв застал на заводе; ударной волной ее отбросило на обочину. Были у нее еще младший брат и младшая сестра, но они оказались вблизи эпицентра взрыва – у дома в Такэнокубо – и оба погибли.

- А я вот помоталась по Сага, Фукуока, Кумамото, другим рисовым местам, да и вернулась, - проговорила женщина.

Огромные деревья окружали парк густой, темной чащей. В резком бледно-синем свете ламп плыла гигантская статуя.

- Если вот так сидеть в темном парке, то можно услышать, как папа с мамой разговаривают. Вон там! - Женщина приложила руку к уху.

Над густой темной чащей и у рук статуи действительно слышался какой-то неясный шум. Я повернулась в ту сторону, куда указывала женщина, но услышала только шелест листьев, которые на ветру терлись друг о друга.

- Вот! Вижу! Тут, у наших ног тоже есть дети и взрослые! – воскликнула женщина. - А вон там целая толпа людей собралась поговорить!

И глядя на площадь вокруг фонтана, заговорила сама:

- Мамаша моя по несколько раз в день повторяла, что обрывок веревки и женщина всегда пригодятся. – Женщина заговорила голосом своей матери:

- Правда-правда, я так радовалась, что ты у меня девочка. Ведь женщинами и обрезками веревок не разбрасываются! Вот радости-то! – Женщина ударила себя в грудь:

- Да уж, радость так радость! Я девочка! С чего радоваться-то? Непонятно... - Она перегнулась в пояснице:

- Ну-ка, папаша и мамаша, видите, какие у меня ожоги на лице и на шее. Ну и что? Все равно я женщина! Не выбрасывать!

- Война закончилась, есть надо было, да еще по родителям погибшим горевала. В общем, радости было мало, вплоть до того, что жила тем, что... - Женщина протянула руку, как нищенка. – И то, когда папа с мамой живы были, так на меня треть того груза валилась...

- Знамо дело, у бедняка и все родичи бедные. Так самое удивительное – она широко улыбнулась – у меня старший двоюродный брат заболел: в конце концов, кроме жидкой каши уже ничего есть не мог.

- А человек не ест, то у него руки-ноги начинают ходуном ходить, трясется, как

мелкая рыбешка. Но не только: еще гноятся раны от ожогов, полученных 9 августа. И все так. В общем, одна досада.

Где-то через год после того, как на нас бросили эту бомбу, пошла я в центр помощи на освидетельствование. Там говорят: «Вот если б раны закрылись, тогда была б за госсчет, а так, дескать, к сожалению, осматривать не будем». У меня голова кругом - ну все, безнадега. Даже что сказали – не поняла. Пошла я, пошла вдоль железной дороги, за чашку еды днем или вечером просилась в крестьянские дома с детьми посидеть или поля прополоть. Рубцы у меня на лице и на шее стянулись, красными стали... Тогда в Нагасаки и в округе без ран людей вообще не было, но нас все равно нанимать на работу не хотели.

- Работала я много. К счастью, и волосы у меня остались. Я их заплетала в косичку из трех прядей и завязывала бантиком из обрывка ткани в цветочек – подобрала где-то. В общем, выглядела я, как маленькая девочка. Из пожитков у меня были только кости младшего брата и сестренки – нашла на пепелище нашего дома, завернула в платок-*фуросики*, да так и ходила. А было мне тогда шестнадцать лет...

Женщина все время раскачивалась взад-вперед, а на последних словах ее стала бить дрожь. Она взглянула на меня и сказала голосом маленькой девочки:

- А я... Посмотрите, какие глазки у меня красивые-красивые, вот!

Глаза у женщины, возбужденной своим рассказом, влажно заблестели. В темноте у людей вообще глаза сверкают синим, но большие черные глаза женщины прямо-таки испускали свет. Я искренне их похвалила – это были действительно

прекрасные глаза, которые не утратили свой блеск, хотя женщине было уже за шестьдесят. Между тем она продолжала свой рассказ:

- Через два года мне исполнилось 18, кожа у меня стала жирная, как это бывает у девушек, а красных рубцов на затылке почему-то стало больше – они прямо бросались в глаза.

Я продолжала свои походы вдоль железной дороги – жила и работала в крестьянских домах. Разную работу делала. За детьми глядела, стирала – стиральных-то машин тогда не было. Скотина, курочки (женщина сделала вид, что кормит кур): цып-цып, цып-цып-цып! Скорее сюда, идите сюда, цыплятки, кушайте!.. Да что говорить – всякое бывало. Да, с хозяином спала. Силой взял? Ничего подобного: хозяйка велела. В поле, говорит, перетрудились, ты уж поспи с ним на пару, а? Она тоже много работала, хозяйка-то...

Позавтракаешь – и в поле, обед приготовишь – и снова в поле... Уставала я страшно. А еще – не понимала ничего, и душу мою ничто не задевало, не ранило.

«Такую девчонку в ранах, как ты, на работу нигде не возьмут», - говорила мне хозяйка. А я думала: «И правда!». Хорошо это? Плохо? Я не понимала.

И что было, то и будет; всюду повторялось одно и то же. Хозяин скрывался от хозяйки и приходил с поля пораньше, чтобы меня обнять... Меня кормили и давали немного денег... Права была мать: обрезки веревки и женщину не выбрасывают. Так и есть! Я поражалась мамашинуму уму. В то время есть было нечего, а у крестьян – и рис, и пшеница, и яйца. Богачи, да и только!

Постепенно люди как-то успокоились, устроились. Да и ужасы атомной бомбардировки стали забываться... Только вот крестьянских домов, где меня на работу брали, становилось все меньше: как увидят ожоги, думают – заразная... Денег нет, есть нечего... Кто я? Где мне жить? Хорошо, если у крестьян работа была, тогда где спать – меня не заботило. Ну а как не могла работу найти – тогда ночевала на станциях и в бомбоубежищах. За войну нарыли бомбоубежищ, так они тогда еще оставались. А я в темноте сразу засыпала крепко – не думала ни о том, что будет завтра, ни о том, что есть буду... (Женщина подняла глаза на площадку, которая уже была окутана непроглядной тьмой.)

Знаете, наверное, про бродячую болезнь, что бывает у *хибакуся*, ну, у тех, кто под атомную бомбу попал?... Посмотришь – ничего плохого нигде нет, а она внутри в теле бродит – такая вот болезнь. К врачам даже если пойти – так они ничего не находят и не знают, как назвать ее, болезнь эту. Вот такая хворь. Но сил в тебе не остается, тяжелую работу делать не можешь. А ведь если по силам тебе такая работа, то тебя даже с такими ожогами, как у меня, и то возьмут... Но у меня уж сил уже не было, вышли все..

И сейчас хворь эта во мне бродит. Можете сказать - заливаю? Скажете? Нет?

Может, есть кто-то, какой-нибудь чудо-доктор, чтобы вылечить у меня бродячую хворь эту, а? А откуда эта зараза? Так это я грязи какой-то наглоталась девятого, вот ее в легкие да в кишки и втянуло.

Женщина умолкла.

Не знаящие о воздействии атомной бомбы *хибакуся* не догадывались, что надо уходить с места взрыва. И от того, насколько быстро человек покидал это место, ключевым образом зависело его дальнейшее здоровье...

Как показали последующие исследования и наблюдения, ущерб от воздействия радиоактивных веществ определяется не только их количеством и расстоянием, на котором человек находился от места взрыва. Если человеческий организм длительное время находится под воздействием радиации, то в результате в нем тоже происходят изменения. В любом случае, нужно было первым делом бежать прочь от того места, где упала бомба.

В «Докладе о помощи жертвам атомной бомбардировки в августе-октябре 20-го года Сёва (1945)» (Еженедельник «Майнити», июль 1970 г.), в главе I, «Представления об атомной бомбе», в разделе «Ад на этом свете» читаем:

«Сразу после бомбового удара около эпицентра взрыва возникло газовое образование, которое напоминало гигантское плотное облако, окутавшее все вокруг.

Видимо, по этой причине все находившиеся в зоне взрыва на одну-две минуты полностью лишились зрения. Люди, увидевшие взрыв издали, заметили внутри газового облака многочисленные мелкие вспышки света, походившие на молнии. Затем это облако поднялось вверх и до самой ночи висело высоко в небе. Через два часа достигло своего пика пламя пожаров. Часто меняли свое направление локальные порывы ветра. Около 13 часов несмотря на то, что погода по-прежнему оставалась ясной, из центральной части

газового облака некоторое время шел дождь в виде крупных капель черного цвета».

Это написал доктор Нагаи Такаси,¹⁵ тогда начальник 11-й группы помощи (физиотерапевтическое отделение) вспомогательного врачебного отряда медицинского университета Нагасаки. Он описывает атомное облако, которое поднялось высоко в небо после того, как энергией взрыва на земле были в мгновение ока уничтожены дома, люди и животные. Далее он пишет, что «над поверхностью земли имело место следующее явление»: положительно и отрицательно заряженные частицы сталкивались между собой и нейтрализовались, «а не имеющие электрического заряда нейтроны, стремительно разлетаясь по прямым линиям, беспрепятственно проникали в любые вещества и оказывали на них сильнейшее воздействие».

А потом грибовидное облако стало двигаться по ветру и засыпать радиоактивной грязью всех находившихся под ним людей.

В тексте доклада сказано, что над городом выпал дождь из крупных черных капель. Каждая капля этого дождя также содержала радиоактивные вещества. Черный дождь выпал даже над Исахая, в семи *ри*¹⁶ от Нагасаки, где оставил черные пятна на сушившемся белье...

А женщина, говорившая во тьме, все это пережила, и теперь своим звериным чутьем подтверждала то, что написано в докладе. Пыль, которой наглоталась женщина и которую она считала причиной своей «бродячей» болезни, содержала мириады невидимых глазу частиц. Выдающийся врач, исследовавший пылинки, извлеченные из

внутренних органов человека, пишет: «можно предположить, что вторичные поражения на человеческих телах вызваны группами таких частиц». Предвидение доктора, опубликовавшего свое предположение вскоре после атомного взрыва, подтвердилось болезнью этой женщины...

- Никому я этого не рассказывала, - снова заговорила она. - Ну да незнакомому человеку...

В темноте лица не видно... Да и не стыдно так... Когда работы не было, то я зарабатывала тем, что торговала своим телом. Вас, наверное, это удивляет? - спросила женщина.

- Да нет, не особенно, - ответила я.

- Врете, поди. И презираете меня!

- Нет-нет, - я покачала головой.

В луче света, просочившемся из тени гигантской статуи, было видно, как на женском профиле появилась улыбка. По-видимому, эта хрупкая, небольшого роста женщина обладала гораздо более сильным характером, чем могло показаться. За свою жизнь она много раз убеждалась в действенности слов матери о женщинах и обрезках веревок, но провела эту жизнь в бедности и страданиях от ран, полученных при бомбежке...

- А если человек от голода падает, по три-четыре дня только воду пьешь, то тогда можно ему своим телом торговать? - спросила женщина.

Но прежде, чем я успела ответить, в моем мозгу неожиданно возник встречный вопрос:

- А может человек думать об этом, когда у него в брюхе пусто, когда живот к спине прилипает? – спросила я женщину.

- Да что ты знаешь о бедности да о голоде?! Это когда дают тебе, скажем, десять иен, а ты сразу хватаешь пирожок с картошкой, и силы у тебя так и брызжут. А если бы дали одиннадцать иен, то одну иену можно было бы отложить на завтра, да только не дают больше десяти иен, и ты падаешь на самое дно этого ада, где с тебя каждый день только вычитают и вычитают...

- А как же «Книжка пострадавшего от атомной бомбардировки»? – спросила я. Дело в том, что были примеры, когда даже самые нуждающиеся не получали по этой книжке пособий.

- Есть она у меня, - живо откликнулась женщина. – А так как я была ранена, то я за раны эти в месяц от государства получаю 33 тысячи да еще 530 иен. За всю жизнь первый раз счет мне в банке открыли. Служба перечисляет...

- Это хорошо, - разом сказали мы с женщиной и рассмеялись.

Еще сразу после атомных бомбардировок организации *хибакуся* из Хиросимы и Нагасаки и группы граждан стали предлагать правительству оказать помощь жертвам этих бомбардировок. Это движение привело к тому, что в 50-м году Сёва (1975) были установлены новые страховые пособия и началась выплата денежных средств *хибакуся*, имевшим «Книжки пострадавшего от атомной бомбардировки». Сумма в 33530 иен, которую получает эта женщина, называется «пособие на поддержание здоровья». Чтобы получать это пособие, нужно иметь «Книжку пострадавшего от атомной бомбардировки» и «получать

регулярное медицинское лечение»; это пособие не связано ни непосредственно с самой атомной бомбардировкой, ни с пребыванием в городе, подвергшемся бомбардировке. Впрочем, оно, естественно, не относится к случаям лечения «врожденных, наследственных, инфекционных и иных болезней, причинами которых явились не атомные бомбардировки». Для того, чтобы получать такое пособие, нужно подать заявление, приложив к нему медицинское заключение с диагнозом болезни.

Поначалу это пособие составляло шесть тысяч иен в месяц, потом каждый год его стали увеличивать на 700-800 иен. Сейчас, с апреля 1999 года, выплачивается 34170 иен в месяц. Для неработающих *хибакуся* это вполне достойная сумма.

Тем, кто оказался непосредственной жертвой атомного взрыва, то есть находился ближе, чем в двух километрах от его эпицентра, а также тем, кто пребывал тогда в материнской утробе, выплачиваются лечебные пособия в размере 17130 иен в месяц. Четыре года назад, в 1995 году, подала заявление на такое пособие и я. На самом деле мне просто хотелось, чтобы «наверху» узнали: в Японии все еще живы *хибакуся*, рожденные той войной, что завершилась более полувека назад...

Но я захотела стать *хибакуся* вовсе не из-за денег, а – пусть это кому-то и покажется высокопарным – ради избавления земли от ядерного оружия, ради мира без войн во всем мире.

- Некоторые завидуют, - снова заговорила женщина. – Говорят, мол, обманом это пособие получаете. Ну да я не беру в голову. Есть, наверное, и такие,

которые обманом. Я так скажу: лучше было б, конечно, вообще под эту бомбу не попадать. Но тем, завидуют которые, самим бы под бомбой побывать, а потом уж говорить, кто что получает...

По площади гулял сильный ветер, раскачивая вправо-влево верхушки деревьев. Мне казалось, что я слышу возгласы одобрения и протеста – кричали души, столпившиеся возле памятника, у фонтана.

Выдохнув эти слова, от которых у меня мурашки по спине побежали, женщина успокоилась. Она это говорила всерьез? Или с иронией? В женщине, которая сидела передо мной, внешнее разительно не совпадало с внутренним. Если человек обладает ясным умом, то его взгляду подвластны и положение в мире, и глубины человеческих душ. У меня тоже возникали подобные мысли...

Было это в 1998 году, когда Индия и Пакистан почти одновременно произвели испытательные ядерные взрывы. Глядя на радостные лица простых людей из этих стран, которые показывали в телевизионных новостях, я чувствовала полное отчаяние. Ядерные испытания проводят не только Индия и Пакистан. Пять других ядерных стран тоже как ни в чем ни бывало продолжают такие тесты. В небо выбрасываются радиоактивные вещества – в ясное, голубое небо, что висит у нас над головами. Остается надеяться, что люди из ядерных стран, те же индийцы и пакистанцы, не допустят, чтобы на наши головы, головы наших детей с этого неба начали падать атомные бомбы.

Видя этих обрадованных людей, высыпающих на улицы, некоторые стали сомневаться в роли движения *хибакуся*. Проблема состоит в том, что люди,

которые живут в ядерный век, на удивление беспечны. Такие настроения есть и в Японии; где кое-кто размышляет о том, как бы законодательно излечить это послевоенное поветрие. Нам не остается ничего другого, как отвечать на эти выпады.

Прослеживая историю движения *хибакуся*, мы видим, что его факел зажегся в послевоенные годы в Хиросиме и Нагасаки. Хотя тогда это еще не было движением... Так, через месяц после поражения в войне в течение двух дней 18-19 сентября в начальных школах и храмах Нагасаки проходили организованные городом панихиды по жертвам атомного взрыва. Через три года после войны, 9 августа 23-го года Сёва (1948) на светской церемонии памяти погибших, которая прошла в «атомном парке» в Мацуяма-мати, г-н Хидзоками, заместитель председателя городского собрания Нагасаки, огласил Декларацию мира. Свое личное послание участникам встречи направил тогдашний начальник главного штаба союзных войск генерал армии Дуглас Макартур. Было также получено письмо от подполковника сухопутных войск армии США Виктора Дельноа.¹⁷ Последнее письмо были очень сердечным - несмотря на то, что его написал военный из оккупировавшей нас страны: Цитирую:

«Уважаемый мэр Нагасаки, уважаемые жители города! Сегодня мы собрались здесь, в Ураками, чтобы отметить годовщину атомного взрыва, который потряс людей во всем мире и ясно показал, что война в конце концов приведет к гибели всего человечества.

Событие, которое произошло в такой же день три года назад, показало не только японскому народу, но и народам других стран, что обретение человечеством

атомного оружия, обладающего безграничной мощностью разрушения, делает войны воистину бесполезными. Случившееся подтвердило, что война не решает никаких проблем, стоящих перед человечеством, а лишь множит число трагедий и испытаний, приводит в упадок культуру.

Для всех собравшихся здесь священный долг - заявить об этом. Это очень важно и для того, чтобы почтить память жертв, которые своей гибелью послали предупреждение всему нашему беспокойному миру.

Жители города Нагасаки! Я хочу, чтобы Вы как цивилизованные люди поклялись, что на вечные времена эти жертвы не останутся просто жертвами. Прошу Вас молиться о том, чтобы до тех пор, пока жива память о них, в нашем мире никогда бы не повторилось это событие

В этом деле американский народ не пожалеет для своей поддержки».

Это письмо датировано 9 августа 1948 года.

Конечно, кто-то и в этом послании может усмотреть нотки высокомерия. И погибшие *хибакуся* не для того пожертвовали собой, чтобы «послать предупреждение миру». Тем не менее, мне представляется, что этот человек очень четко выразил мысль о бессмысленности войн и трагедии человечества, в руки которого попало атомное оружие...

Но и вправду сказать: ради чего прошли эти полвека? Можно только догадываться, каково сейчас отчаяние тех людей, которые бескорыстно поддерживали это антиядерное движение...

У меня есть один знакомый, большой художник и крупный человек из числа тех, кто защищает интересы мелких групп и говорит, что хорошее должно быть хорошим, а плохое – плохим. Как-то он спросил меня:

- Вот Вы пережили 9 августа. В новостях сообщают, что две страны провели ядерные испытания. Что Вы об этом думаете?

Художник был известен как уважаемый человек, который никогда не гнется перед силой, и я этим воспользовалась:

- Тоскливо мне... - сказала я.

- Что значит «тоскливо»? Почему? – не понял художник.

- Мне кажется, что *хибакуся* принесли себя в жертву человечеству, но мир не принял этой жертвы, - честно сказала я. – Похоже, пока на людей не упадет еще одна атомная бомба, они не образумятся...

Художник посмотрел на небо и расхохотался:

- Какие это Вы слова говорите..., - сказал он сквозь смех.

- Никому не рассказывайте! А то плетей получим...

Он поднял на меня свои глаза, такие же огромные, как и его тело:

- А разве у кого-нибудь есть право нанести такой удар? По крайней мере, у тех, кто владеет ядерным оружием, такого права нет.

Я многое хотела сказать. Сказать о родной стране, которая имеет

конституцию, провозглашающую отказ от войн. О стране, которая пострадала от атомных бомбардировок и которая вместе с тем поддерживает ядерные приготовления. О ведущих ядерную гонку мировых державах, которые ярятся так, как будто их уже обстреляли ракетами. О том, что права наносить ядерный удар ни у кого нет, но зато есть *хибакуся*, а я и сейчас встречаю своих друзей, которые страдают от лучевой болезни... Хотела сказать, но слова не шли с языка...

Я не смогла сказать об этом и женщине, хоть слова и были готовы сорваться у меня с губ. Сказала только:

- А *хибакуся*... Хватит их уже... Пусть только мы останемся *хибакуся*.

- Что-то вспомнили? – проговорила женщина.

- Одним пособием на поддержание здоровья, наверное, не прожить? - спросила я женщину. Может быть, она и сейчас восполняет нехватку денег тем, что торгует своим телом? До какого возраста женщине это вообще под силу?

- А я не грущу и не страдаю. Насколько могла – жила, как мать завещала. Иногда, правда, плачу, как дитя малое, во весь рот: «А-а-а!». Почему? Сама не знаю... Но сегодня не плакала, сегодня просто захотелось кому-нибудь рассказать все – сил нет... Думаете, наверно, грязная тетка, живет тем, что собой торгует... А я не думаю, что это дело грязное, - сказала она и, приподнявшись, добавила: - Пойду-ка я домой...

- А где Ваш дом? – хотела спросить я, но осеклась. Дом, в который возвращалась женщина, был где-то здесь, в дремотной темноте. В этом доме женщина ведет тихую, безмятежную жизнь, а когда

наступает время сна – спит, не думая ни о чем в темноте, где ее никто не видит...

Наверное, с каждых полученных тридцати с лишним тысяч иен эта женщина первым делом покупает себе на месяц риса. А закупив месячный запас риса, спокойно ложится спать...

Ночь сгущалась. Над окутанной тьмой площадью, словно дымка над рекой, поднимался шорох гальки от чьих-то шагов. Людей в парке осталось совсем немного. Женщина, имени и адреса которой я так и не узнала, обернулась, сложила руки ладонями, словно буддийский священник, после чего растворилась во мгле. Я тоже поднялась, чтобы сказать «до свидания» душам погибших, что толпились на площади...

Муравей, ползавший по салфетке Кана, куда-то исчез: то ли просто скрылся с глаз долой, то ли его сдуло ветром, который все сильнее дул со стороны моря.

Из-за пришедших с моря дождевых туч поверхность деревянного стола стала совсем серой. Я уже слышала голоса своих молодых спутниц, но все еще не вышла из тьмы, что окутывала ту женщину. В тени тучи, проплывавшей высоко в небе над маленьким сквером, снова заболела душа о паломнице Кана, о моих школьных друзьях-товарищах. Собственно говоря, душа по ним болит, не переставая ни днем, ни ночью. Но сегодня у меня в голове картина того, что случилось 9 августа, предстала в особо глубоких и ярких цветах, как на полотнах Гогена. Память восстановила почти все, что случилось полвека назад. Только вот густо-зеленого цвета в этой картине не было. Были только кровь, огонь и много голой желтой земли. Это был аскетичный, строгий, упорядоченный мир. На аэрофотоснимках, сделанных с

американских военных самолетов через три дня после взрыва, не видно даже дорог, которые пересекали стоявшие здесь когда-то жилые кварталы – только большой участок земли. Вспышка и ударная волна сровняли эти кварталы с землей, не оставив ни миллиметра неровностей. Картину, которая сейчас возникла в моем воображении, я своими глазами видела 9 августа. Только сейчас, полвека спустя, от нее отсеклось то, что я чувствовала тогда: людские страдания. А когда я включаю эти чувства в картину 9 августа, то она меняется и вспыхивает красным: и земля, и небо, и лежащие люди – всё горит алым, всё тонет в кроваво-красной мгле. И я тоже стою в этой мгле, как та женщина...

Выше я уже приводила отрывок из доклада доктора Нагаи Такаси:

«Сразу после бомбового удара около эпицентра взрыва возникло газовое образование, которое напоминало гигантское плотное облако, окутавшее все вокруг. Видимо, по этой причине все находившиеся в зоне взрыва на одну-две минуты полностью лишились зрения».

Так, может быть, я тогда не оказалась во мгле, а просто на пару минут физически перестала видеть? Помню, что после того, как на меня обрушилась мастерская, я на некоторое время действительно оказалась в кромешной темноте – хоть глаз выколи. Но сколько длилось это «время»? Все-таки обычное время обладает длительностью, а для меня то «время» то ли длилось, то ли нет – непонятно. Одно время я сидела на стуле, а потом за какой-то неисчислимый промежуток времени оказалась под столом. Нет, определенно, прямо перед тем, как раздался взрыв атомной бомбы, как ударил по ушам быстро уходящий то ли вниз, то ли вверх грохот взрыва – я

сидела на стуле. С другой стороны, когда я пришла в себя под обломками мастерской, то уже находилась под столом. А что было в тот самый миг, когда упала бомба? Это в моем сознании не закрепилось.

Нет, не помню... Сам процесс перехода не оставил в памяти никакого следа. Интересно, почему? Может быть, потому, что процесс начался и успел закончиться за такой короткий миг, что память просто не успела среагировать? А, может быть, я на время потеряла способность различать предметы в той тьме, о которой говорили люди, оказавшиеся в эпицентре взрыва? Они ведь тоже на пару минут лишились зрения... Впрочем, судя по свидетельствам, приведенным в докладе доктора Нагаи, происшедшее со мной не было чем-то совсем уж удивительным. На самом деле среди событий того дня, о которых рассказывали пережившие их *хибакуся*, мой случай представляется вполне естественным.

Помню, однажды, увидев настоящую гадюку, я очень удивилась тому, как сильно она похожа на картинку в энциклопедии – та же гадюка, те же узоры, напоминающие старинные монеты. Я перепутала причину и следствие...

То же самое, наверное, произошло и здесь, и вот почему. И тьма, в которую попали люди, потерявшие на пару минут зрение, и та тьма, что окутала меня – обе они не имели глубины, протяженности. Это была полная тьма – нам как будто на время закрыли веки и завязали глаза повязкой. Что за события разворачивались за это «время» – для меня и по сей день остается загадкой. Эти события отпечатались в клетках мозга, но они не поддаются ни анализу, ни в памяти; они хранятся взаперти в том

крохотном мире, где находится непостижимое для меня «время». И, наверное, именно там находится сущность моего 9 августа. Поэтому всякий раз, когда мне кажется, что в этом «времени» что-то происходит, я чувствую неподдельный ужас перед происходящим «что-то», чувствую такую боль, как будто я всем телом ударились о землю и разбилась на мелкие кусочки. И это «что-то» - не воспоминание о пережитом, а просто боль и ужас. Оно – за пределами увиденного. Наверное, это «что-то» и называется «девятое число»...

Вот что пишет о вспышке в своем докладе доктор Нагаи:

«...Свет от ярчайшей вспышки, вероятно, рассеялся по всему небу, ибо ее равным образом видели и люди, которые были обращены лицом к эпицентру взрыва, и те, кто смотрел в противоположную сторону, и, те, кто смотрел в любых других направлениях». Вспышка действительно была такой силы, что люди в Ураками почувствовали себя в банке с золотыми рыбками. Именно от таких ощущений, запертых в клеточках мозга, у меня остался страх перед непроглядной тьмой, а у встреченной мною женщины – желание жить в темноте, скрывающей очертания предметов. И Кану, что боялась спать одной, тоже не отпускала эта тьма.

В маленьком сквере, густо заросшем летними травами, продолжалась комариные атаки. Я подняла глаза на сидевших напротив меня девушек. На круглых лицах обеих девушек засверкали бусинки пота. Вид пота на юной коже неожиданно всколыхнул в моей душе пылкие чувства. Юные мои прекрасные подруги, девушки с удивительно изящными руками, никого вы ими теперь не обнимите, ушли вы навсегда, погибли

в свои неполные пятнадцать... Как же я хотела, чтобы и вы испытали и радости любви, и душевные муки...

- А где тут следующий храм? – спросила F. T развернула карту из путеводителя «Паломничество по храмам Каннон». Придавливая рвущуюся на ветру карту, она повела палец по изображению береговой линии. Палец обогнул мыс на краю полуострова, перебрался через канал, двинулся по берегу узкого, как угольное ушко, залива, и, наконец, остановился над значком «храм». В обитель, на которую указал палец, мы поехали на машине.

Главный зал этого храма тоже находился на склоне горы на полпути к ее вершине. От берега мы поднялись туда по каменной лестнице. Храм был отремонтирован и хорошо ухожен; можно было видеть, что за главным залом обители шло сооружение склепа. За обителью виднелась довольно высокая гора. Когда мы спросили, можно ли войти, то из глубины главного зала со словами «входите, пожалуйста» показались настоятель и какая-то женщина. Настоятель, человек средних лет, был одет в светло-серую рабочую куртку.

Как оказалось, главным сокровищем этого храма, еще более древним, чем он сам, являлось изваяние Бодхисаттвы Каннон, которое создал монах по имени Гёки,¹⁸ - говорят, он был потомком правителя корейского царства Кудара (Пэкче).¹⁹ Совершая «объезд разных мест», он, видимо, побывал и на этом полуострове...

Сложив руки в молитвенном жесте, я вошла в главный зал храма. Какое из этих изваяний было главным сокровищем

храма, я не знала, но, пока мы обходили статуи одну за другой, я вдруг почувствовала, что от образов будд на сердце у меня постепенно теплеет. Вся история храма, вся доброта приходивших сюда людей исцеляли мою душу. Похоже, настоятель заглядывал сюда нечасто, а заходили в храм по утрам и вечерам помолиться перед статуями буддийских божеств в основном сидевшие дома женщины. Голоса звучали кротко и мягко – казалось, ты уже находишься в мире ином.

Я достала из рюкзака салфетку Кана и попросила настоятеля поставить на ней храмовую печать.

- Может быть, лучше сделать надпись? – спросил настоятель. Женщина подала ему тушь и кисточку. Похоже, она родилась на том южном острове, где живет Кана, а, может быть, еще южнее – густые черные волосы, завязанные тяжелым узлом, жгучие черные глаза... Среди безмолвных будд глаза женщины сверкали какой-то отстраненной, вечной красотой.

Набрав на кисть побольше туши, настоятель в тишине красивым почерком написал два иероглифа, сложившиеся в слово «*хохай*» - «моление». А потом кончик кисти замелькал с такой силой, будто, как говорится, «дракон взвился в небо». Слова «Пресвятая Бодхисаттва Кандзэон. Счастливей день сентября 10-й года Хэйсэй»,²⁰ а также название школы буддизма и самого храма настоятель вывел единым духом. Я склонила голову в глубоком поклоне.

- Хорошо получилось. – Беспокоясь о том, чтобы тушь не размазалась, женщина вынула лист писчей бумаги. Я приложила бумагу к еще влажной надписи и

свернула салфетку, которую подарила мне Кана...

Настоятель рассказывал девушкам историю храма. Он начал с того, что обитель была основана одним семейством, которое управляло землями на этом полуострове. Храм связал воедино это семейство, эти земли, и людей, которые на них жили. Потом речь зашла о том, какие тесные связи возникли со временем, за восемьсот лет истории обители, между храмом и жителями соседних деревень. Будды жили среди людей, люди полагались на будд, как на своих родственников. В общем, настало счастливое время единения деревень и храма, когда обитель стала особым миром, в котором смешались черты этого и того света.

Настоятель привел нас к гранитной стеле, которая стояла в дальнем углу территории храма. На камне были выгравированы имена двух всемирно известных японских исследователей. Один из них был альпинистом, другой – ученым, возглавлявшим экспедицию к южному полюсу. Альпинист бесследно исчез зимой в горах, на полпути к заветной вершине.

- Мы были друзьями, - сказал настоятель. – Теперь вот надеюсь хоть на том свете с ними *сакэ* выпить. – Он вообще с удовольствием рассказывал о загробной жизни:

- А вот это сальвовое дерево, - продолжал настоятель указывая на молодое, тянущееся ввысь растение. На фоне темной зелени летних гор деревце выделялись своим нежным желто-зеленым цветом. Толстые листья напоминали большие раскрытые ладони. Похоже, деревце было совсем юным –

редкие ветви и листва трепетали на ветру, издавая сухой, резкий стук.

- На том месте, где ушел в нирвану Будда Шакьямуни, росли саловые деревья. А тут у нас их три, - с улыбкой сказал настоятель.

Я посмотрела на стелы, посвященные двум ушедшим от нас людям, которые всего несколько лет назад существовали в этом мире и своими поступками, своим мужеством придавали нам сил. На памятники падала тень от саловых деревьев. Несмотря на яркое палящее солнце, тень была мягкой, цвета размытой туши. Под шелест листвы деревьев, которые росли там, где ушел в нирвану Будда Шакьямуни, вечным сном спали два человека. Но настоятель посадил над ними три дерева, нечетное число! Мне понравилась его шутка: пройдут годы, молодые деревья разрастутся, станут ближе друг к другу, и, может быть, когда-нибудь превратятся в «пару саловых деревьев».²¹ Похоже, так неожиданно и просто настоятель показал и суетность мира людей, и путь к просветлению-сатори.

- А если подняться по этой дороге до самого верха, то горы расступятся, и вы увидите море, - сказал настоятель...

Мы втроем поднялись на вершину горы. Внизу действительно виднелось море: зажатое между двумя берегами залива, оно сверкало, как стеклянная крошка. На этом фоне рядами стояли могилы прихожан храма.

- Вот на таком светлом склоне хочу лежать, - сказала я. - Чтобы вот так блики от моря по могилке бегали.

- Пустынно здесь и грустно, - заметила F.

- А мне бы хотелось в центре города лежать, среди множества таких же разбросанных повсюду костей.

- Да где бы ни лежать, главное - чтобы непредвиденных хлопот с твоим прахом не было. А хуже всего, если не знают, куда его девать, - сказала я, потому что вспомнила о своей подруге Кёко и о том, как не знали, куда девать урну с ее прахом.

Кёко была на год младше меня и училась во втором классе женской средней школы. Они с одноклассницами в наспех переоборудованных школьных мастерских полировали детали каких-то машин. Летом перед поражением участились налеты Б-29, так что моя подруга часто прогуливала и школу, и мастерские. В тот день отец ее тоже не отпустил из дома. Дом у Кёко был в городе, в районе Оура. Помню, что отец у Кёко был частнопрактикующий врач, а перед домом ходили поезда по железнодорожной ветке, которая шла вдоль реки Оура. В этом районе смешивались свежий аромат моря и вонь от сточных канав.

У Кёко был единственный старший брат, студент медучилища в Нагасаки. 9 августа он был на лекции - и погиб во время взрыва атомной бомбы. Брат хотел, чтобы Кёко тоже стала врачом, чтобы они с сестрой в новом поколении вместе продолжили семейное дело. Он говорил, как здорово будет, если она станет врачом, строил детальные планы, заставлял ее перерисовывать картинки из анатомических атласов. Речи брата были столь убедительны, что скоро и у самой Кёко возникло сильное желание стать медиком.

Когда я после взрыва вернулась домой, то встретила Кёко. Она рассказала, что каждый день ходила на пепелище медицинского института, надеясь найти там останки брата. «Была у меня одна зацепка, - говорила Кёко, - я обошла все пепелище института, все спрашивала, где тут был лекционный зал, но так ничего и не нашла». Множество раненых студентов мединститута кинулись на холм Губирогаока, что в Ураяма. Но о своем брате Кёко узнала только то, что он был на лекции. «Похоже, не добежал он до Губирогаока...» - говорила Кёко.

В то время в медицинском институте Нагасаки насчитывалось 1200 преподавателей, студентов, медсестер и т.п. Умерло из них 885 человек. Иными словами, погибло 70% людей, и брат Кёко был одним из них.

В книге «Незабудка - дневники и воспоминания свидетелей атомной бомбардировки и записки ее жертв», изданной под редакцией ректора Сирабэ Райсукэ²² и его коллег, есть такое трехстишие:

*Даже костей
Домой не вернуть...
Только бабочки на траве...*

Это стихотворение написала мать студента-медика, который погиб при взрыве атомной бомбы. Наверное, она, как и Кёко, много раз приходила на пепелище, которое бурно зарастало летней травой. А Кёко призналась, что вместо праха брата она собрала осколки кирпичей, которые остались от сгоревшего лекционного зала. А еще она со слезами на глазах рассказывала, как возле христианской церкви искала останки своего друга – там погибла вся его семья.

Кёко продолжала искать прах своего брата. Я предупреждала ее, что на пепелище ходить не стоит – говорили, что развалины отравлены. В самом деле, многие из молодых людей, которые после взрыва ходили по развалинам в поисках тел погибших, вскоре заболели и умирали. Симптомы болезни у них были такие же, как у *хибакуся*: выпадали волосы, развивалась злокачественная анемия, начинали кровоточить десны, и, в конце концов, человеку уходил в мир иной. Отец Кёко как врач должен был знать о влиянии последствий атомного взрыва на человеческий организм. Но, потеряв единственного сына, он до поры не обращал внимания на поступки Кёко. А Кёко, всегда отличавшаяся особым своенравием, продолжала снова и снова приходить на пепелище. Похоже, что теперь, после войны, когда в мирном обществе стало больше свободы, зона атомного взрыва превратилась для Кёко во что-то вроде интересного полигона для поиска приключений. Во всяком случае, она, не переставая, рассказывала о своих изысканиях, о том, что среди каменных изваяний ангелов, осыпавшихся после взрыва с христианской церкви в Ураками, есть полностью обуглившиеся, а есть такие, на которых не осталось ни царапины и т.п.

Забеспокоились все только после того, как во время летних каникул после третьего класса в теле Кёко начались какие-то изменения. У девочки заболели почки, ее положили в больницу. Каникулы закончились, но она продолжала оставаться в больнице.

- Разве ты больше не будешь учиться на врача? – спросила я как-то Кёко, глядя на ее тусклое, посиневшее лицо. Сразу после войны все школьники, которые хотели поступить в следующий класс,

начали усердно заниматься. Мы, попавшие под бомбардировку учащиеся четвертого класса, подвязав поредевшие волосы, тоже готовились к занятиям. Некоторые из них оставались в больнице, другие быстро поправлялись. Но когда я рассказала Кёко, что творится в школе, то она ответила, что учиться больше не будет – так сказал ее отец...

Было это через 7-8 лет после того, как мы окончили школу. Я вышла замуж и жила в небольшом городке у моря. Однажды летом ко мне неожиданно приехала Кёко с двумя друзьями – мужчиной и женщиной. После приветствий и возгласов сожаления о том, что мы давно не виделись, Кёко залпом выпалила, что два года назад она переехала в Токио, что отец подолгу не встает с постели, что он сидит у себя на даче в Хирадо и только ворчит, что она, похоже, развязалась с больницами, что старший брат был тогда в самом центре здания, и от него ничего не осталось.

Кёко переоделась в привезенный с собой купальный костюм и босиком побежала к морю, до которого было две-три минуты. В общем, она выздоровела.

Внезапно Кёко вернулась, чтобы сказать:

- А ты-то? Идешь?! – И снова пулей унеслась по засыпанной горячим песком дорожке.

У меня не было такой болезни, как у Кёко, но врачи категорически запретили мне находиться летом на море под прямыми лучами солнца...

Как-то на следующий год после бомбардировки мы вместе с Кана ради развлечения забрели на место, которое в Нагасаки было отведено для морских купаний – хотя врач предупреждал меня:

«Избегай тихого моря и прямых лучей солнца: свет для тебя – это яд!». К вечеру лицо у меня распухло так, что на нем почти не было видно ни носа, ни глаз. Я вся пошла волдырями, у меня поднялась температура. У Кана тоже начался жар.

Летом того года у многих выходявших к морю людей появлялись такие же симптомы, как у нас. Когда Кёко увидела, что моя кожа покрылась пятнами, то рассмеялась – наверное, сейчас она уже это забыла. Именно с того времени и стали говорить, что *хибакуся* летом должны избегать прямых солнечных лучей и что находиться на солнце для них опасно. Ходили, впрочем, и совершенно неоспоримые слухи о том, что лучевая болезнь вообще не лечится...

С заходом солнца Кёко и ее подруга вернулись домой, неся в руках попавших в сети моллюсков-*садзаэ*. Мужчина же на лодке ушел в море, и должен был вернуться позднее. Я пропустила все это мимо ушей, но Кёко спросила меня:

- Ну, как он тебе?

- По-моему, хлыщеватый какой-то, - встряла подруга.

- Фу! – неопределенно откликнулась Кёко и снова обернулась ко мне:

- Нет, ну так тебе - как?

- Хлыщеватый, - сказала я.

- Бойкий красавчик этот твой столичный дружок, - добавила подруга.

- Вот именно, - поддакнула я. - Хотя мальчик симпатичный...

- Фу на вас, - снова сказала Кёко и, помолчав, добавила: - Я за него замуж выхожу.

Мы переглянулись. Можно было попытаться исправить ситуацию, но слово – не воробей...

В общем, стало ясно, что мы этого токийского друга не одобряем.

Это было так похоже на упрямую и капризную Кёко: привезти человека показать подругам, заставить их его обсуждать, а потом сообщить, что собирается за него замуж...

Кёко вышла замуж за этого человека и умерла его женой - случилось это лет через пять-шесть. Детей у них не было. Сразу после свадьбы у Кёко снова развилась ее хроническая болезнь - заболели почки – и ее забрала «скорая». Выписавшись из больницы, она позвонила мне и сообщила, что когда она есть *тэмпура*,²³ то у нее болит бок, потому что *тэмпура* – это, похоже, плохо для почек, и лучше ее такое есть, но она очень любит *тэмпура*...

Потом ее несколько раз клали в больницу, выписывали и снова клали, пока, наконец, не поставили окончательный диагноз – коллагеноз.

Кёко узнала диагноз, который ей поставили – не причину, диагноз.

- Ладно бы причина непонятна, - говорила Кёко, - но это не идет ни в какое сравнение с тем, что меня сажают на диету.

Как-то ранней осенью, за несколько лет до того, как Кёко положили в больницу последний раз, она мне позвонила.

- Опять в больнице, - сказала она.

Я уже знала, где находится больница, в которой постоянно лежала Кёко.

- Тогда я зайду? - весело сказала я.

- Да, хорошо бы увидеться, - неожиданно упавшим голосом сказала она. – Перед больницей-то не встретились. – И добавила:

- Чувствую, на этот раз не выйду я из больницы.

- Да ты и раньше так говорила, - сказала я.

- Но теперь не то, что раньше, - сказала Кёко. – Теперь мне это и врачи говорят... Как ни в чем не бывало приговор выносят...

Я никогда не говорю своим нагасакским друзьям слова утешения. Друзья тоже никогда меня не успокаивают, как бы я ни жаловалась на боли в теле или на тревоги и заботы. Мы просто молча друг друга выслушиваем.

Как-то в один из тех дней, когда Кёко стало лучше, мы собрались пообедать в одном ресторане с видом на море, стоявшем на вершине холма.

- Это мой прощальный обед, - сказала Кёко, поднимая бокал, - так что я угощаю! Это был действительно прощальный обед – Кёко отправлялась в мир иной. Она шутила и сквозь бокал подмигивала окружающим. Вообще из-за своих больших живых глаз и маленьких блеклых губок Кёко пользовалась популярностью у мальчиков-студентов. Ее всегда куда-то приглашали, она брала меня в качестве напарницы, и мы перемещались в какие-то укромные места

– парки или кафе. С тех пор прошло больше сорока лет...

Поглощая принесенную еду, Кёко глядела на меня и улыбалась. Понимала ли она, что умирает? И что причина ее болезни была в том, что она бродила по месту взрыва в поисках останков старшего брата? Но в отличие от тех *хибакуся*, которые непосредственно испытали на себе взрыв атомной бомбы, эмоционально она была далека от смерти. Не было в ней осознания кончины. И в этом смысле мы с Кёко с улыбкой воспринимали этот прощальный банкет перед путешествием на тот свет. Мы обе не настолько решительные. И не настолько трезво смотрим на жизнь.

Когда прощальный ужин закончился, я сказала:

- Платим поровну!

- Да как хочешь, - ответила Кёко. – На тебя больше приходится... Ну, давай пожмем руки на прощание... Знаешь, я как подумаю, что там брат меня ждет, так день смерти мне не страшным, а забавным кажется. Прямо сердце быстрее бьется... Отец с матерью тоже умерли, а встретиться хочу именно с братом...

Мы попрощались, пожали друг другу руки и расстались. Меньше чем через месяц после этой встречи Кёко отправилась в мир иной. Она умерла от рака легких.

На сорок девятый день, на поминках, муж Кёко рассказал, что хочет вернуть обратно ее прах, а родители, которые были против их брака, уже умерли. Похоже, он хотел сказать «Не заберет ли кто-нибудь останки себе?» Он также заметил, что родственники могут захоронить останки в могиле родителей

Кёко – раз там нет останков сына, так пусть хоть прах дочери будет с ними.

- А если там захоронить часть праха? - спросила я. Похоже, особой привязанности к останкам не было.

Муж Кёко покачал головой:

- Тело раз пять или шесть скальпелем резали – к сожалению. Пусть хоть прах целым сохранится...

Да, уже один прах остался, а вспоминаем мы любимого человека таким, каким он был при жизни. Я еще раз взглянула на мужчину. На его лице смешались старость и красота. Да, когда-то я правильно назвала его хлыщеватым... А Кёко при жизни много раз говорила, что собирается с ним развестись. Что одной, похоже, лучше, да и что детей у них нет. Говорила, кажется, и о том, что он обсуждает женщин, с которыми они отдыхали на побережье, что и в мыслях он, похоже, такой же хлыщ, что и как мужем она им недовольна...

Но при всем при том их брак завершается тем, что муж носит на руках обратившуюся в прах жену, по-своему окружает ее сердечной заботой и охраняет ее «индивидуальность».

- А до тех пор, пока вопрос не решен, - сказал тогда муж Кёко, - пусть прах хранится в храме...

Интересно, где он сейчас, этот прах?..

Да уж, лучше, как говорит F, насыпать прах умерших горкой в каком-нибудь бойком месте. Со временем прах начнут рассыпаться, кости со скрипом будут перемещаться к обители Будды, а на освободившиеся места будут наперебой рваться новые сонмы костей. Хорошо

покоиться в полной тишине, но иногда нужно и побороться, чтобы доставить удовольствие и тому свету. Что, разве не так?..

- Вот в этом храме, в склепе, наверное, тоже неплохо будет... - сказала я.

Мои подруги делились на тех, кто учился со мной в то время, когда я жила в Шанхае, и на нагасакских одноклассниц. С шанхайскими подругами по женской школе я общалась до конца третьего семестра второго класса, то есть до конца февраля 20-го года Сёва (1945). Нагасакские подруги – это мои одноклассницы, с которыми я познакомилась позднее и дружила до 9 августа. Судьбы сложились по-разному, но если говорить об ушедших, то в подавляющем числе это были мои подруги по Нагасаки. Начиная с 1945 года, до меня ежегодно доходили данные о том, сколько человек заболело и умерло. До 60-ти лет, возраста, который сейчас пожилые люди обычно легко преодолевают, дожило в 5-6 раз больше моих шанхайских подруг, чем нагасакских.

Не помню точно когда, но однажды в Нагасаки инициативные люди из числа моих одноклассников собрались вместе и создали в активное общество или, можно сказать, фонд, целью которого был сбор средств для ухода за больными, денег на похороны и т.п. Это общество долгое время активно действовало благодаря пожертвованиям простых людей, но в прошлом году его участники получили извещение, в котором ставился вопрос о приостановке деятельности организации. Центр общества находился в Нагасаки, и потому поддержка оказывалась в основном тем нашим друзьям, которые жили в этом городе. Теперь и в силу

возраста участников, и из-за их немощи деятельность общества оказалась невозможна, и оно было распущено. В результате мы перестали получать отчеты и реальные данные о числе больных, но, тем не менее, остались признательны и благодарны своим школьным подругам. Да, по причине старческой немощи они прекратили свою деятельность, но когда я думаю о том, какой груз эти женщины взваливали на свои души, то чувствую себя глубоко виноватой перед ними. Впрочем, несмотря на то, что это маленькое общество было распущено, мы можем опираться на данные крупной Ассоциации *хибакуся*, которая действует уже более полувека.

Хочу рассказать о точке зрения одного из врачей, который не только обследовал и лечил *хибакуся*, но и рассказывал об их истинных проблемах. Это доктор S, который на себе испытал в Хиросиме атомную бомбардировку (в то время он был военным врачом). Так вот, судя по тому, что говорит доктор S, в Японии не существует научных трудов, в которых с медицинской точки зрения детально отслеживались бы последствия атомных бомбардировок 6 и 9 августа и велась соответствующая статистика. Вплоть до самого последнего времени данные о воздействии радиации на человеческий организм публиковались главным образом через основанную после войны американскими оккупационными войсками Комиссию по изучению последствий атомных бомбардировок (АВСС).²⁴ Выводы комиссии таковы. Если ограничиться самым моментом взрыва, то полученные в это время физические раны имеют очень далеко идущие последствия в том смысле, что именно они определяют, будет ли человек жить или умрет. В последних докладах утверждается, что взрыв оказывает на

человеческий организм также и долговременные воздействия. Что же касается доктора S, то он утверждает, что одной из больших проблем является вопрос о том психологическом влиянии, которое имели взрывы на людей, пострадавших 6 и 9 августа. Доктор утверждает, что это воздействие не имеет четких временных рамок.

Не могу себе представить, почему находящаяся на переднем крае науки Америка и сейчас как зеницу ока хранит результаты исследований, выполненных АБСС более чем за полвека. Наверное, из них можно было бы узнать намного больше о реальном положении дел в этой области - о радиоактивных веществах, оставшихся в почве; об опасностях, связанных с атомными облаками, облетающими земной шар; о «внутренней бомбардировке организма» проникающими частицами, которые возникли в результате ядерного распада... Ведь происходящая на микроуровне «бомбардировка организма» и вызываемые ею явления в макромире, – все это жизненно важно, во всяком случае, для нас, *хибакуся*, которые пережили то, что случилось 6 и 9 августа, и дожили до сегодняшнего дня.

Появились среди нас и душевнобольные. Так, одна из моих подруг вскоре после окончания женской школы покончила с собой. Девочку звал Миэ; я писала о ней в одной из своих книг. Однажды во время очередного экзамена она обмочилась. Я это заметила и по перекладине стола ногой пододвинула ей тряпку. Едва уголок тряпки прикоснулся к луже из мочи, как тряпка стала мягкой и потеряла свою форму...

Миэ была известна среди одноклассников своими литературными способностями. Даже учитель японского языка обратил

внимание на ее сочинения, лишенные всякой девичьей сентиментальности. Словом, и своей наблюдательностью, и своим поведением Миэ выделялась среди других девочек. А еще в ней было какое-то внутреннее достоинство. Помню, она наступила ногой на тряпку, которую я незаметно ей передала, сделала тряпкой четыре-пять движений взад-вперед, после чего поблагодарила меня, причем ее «спасибо» прозвучало слишком громко для такого тайного события.

Такие непредвиденные случаи в то время случались не только с Миэ, но и со всеми нами - мы словно вернулись в младенческий возраст, когда ходили в чем мать родила. Я тоже однажды допустила оплошность, подобную той, которую допустила в классе Миэ - речь идет об энурезе. Для взрослой девочки, ученицы третьего класса женской средней школы, это была непростительная оплошность, да к тому же я опасалась, что она перейдет в постоянное ночное недержание мочи. Случилось это в ту ночь, когда я впервые после атомной бомбардировки заснула глубоким сном. Обеспокоенная мама повела меня в больницу, где объяснила врачу, что последнее время я совсем не смыкала глаз. Мать заметила, что все эти ночи я только ворочалась с боку на бок.

- А, так это ты - та самая девушка, которая выжила и вернулась домой с завода в Ураками?- спросил меня врач. - Это все от страха, который остался у тебя в глубине души. И это хорошо, что он есть. У человека есть пределы и страху, и терпению. Когда терпение иссякает, мозг протягивает нам руку помощи. Тут нет причин для беспокойства. Просто ты сама себе помогла, - заключил врач.

Наверное, это была самая первая помощь, которую я сама себе оказала...

Миэ не была такой простушкой, как я. Но, наверное, и она чувствовала себя обязанной мне за то, что я тогда передала ей тряпку. Во всяком случае, когда мы встречались глазами, то на ее лице появлялось то выражение смеха сквозь слезы, которое я видела у нее в день экзамена...

Это случилось вскоре после того, как мы окончили школу. Прошел слух, что Миэ покончила с собой. Говорили, что Миэ жила одна. Покончила с собой и еще одна девочка, которая перевелась к нам в школу из Токио. По виду Миэ и эта новая девочка были совсем разными, но последняя тоже интересовалась литературой и часто вела с Миэ разговоры о литературе на своем резком, отчетливом токийском наречии. Миэ, родившаяся и выросшая в Нагасаки, тоже умела говорить на стандартном, "правильном" японском. А еще Миэ была страстной поклонницей Хори Тацуо.²⁵ Помню, однажды она с бесстрастной, словно у монашки, интонацией спросила меня, читала ли я "Ни ветерка"

- Нет, не читала, - ответила я.

- Ну, а если судить по названию? – продолжила разговор Миэ. - О чем он может быть?

- Может, о женщине с легкой походкой? - предположила я.

- Ну-у-у... - с плохо скрытой усмешкой протянула Миэ.

Ее манера вести разговор раздражала, но вообще-то мне Миэ нравилась. Она называла себя бедной крестьянкой, хотя на самом деле была единственной дочерью в семье зажиточных хозяев.

Когда мы переодевались, то она надевала пурпурные шаровары-*момпэ* и подвязывала их грубой веревкой. Когда я однажды спросила ее, почему она ходит без пояса, то она ответила, что он ей не нравится, потому что не пахнет, как летнее сено у Гессе.²⁶ На лице у Миэ виднелась рана от очков – но не очень заметная. На переменах она всегда заводила разговоры о литературе – даже если ее никто не слушал. Когда ей говорили, что она объясняет еще сложнее, чем наш учитель господин Х, то она в ответ только смеялась, выпятив челюсть. При этом рана на ее лице поблескивала и становилась заметней. Впрочем, у многих наших девочек раны были гораздо глубже, чем у Миэ.

Словом, Миэ была незаурядной девочкой, и потому не смогла помочь себе так, как это сделала, например, я. Миэ говорила, что 9 августа у нее открылись более широкие умственные возможности, и она начала писать роман. Похоже, она никак не могла придумать к нему концовку. А с собой она покончила из-за неразделенной любви.

Мои повзрослевшие одноклассницы вступали в пору весеннего цветения; все и всюду заговорили о любви. И пусть наши лица и груди были обезображены коллоидными шрамами – все равно наступало время любить. Кто-то выходил замуж, у кого-то любовные истории оканчивались трагически – главным образом, из-за того, что мужчины отказывались на них жениться. Ведь даже в тех случаях, когда сами мужчины, как и женщины, были жертвами бомбардировки, они предпочитали здоровых девушек. Люди, обладавшие обычным здравым смыслом, не хотели выбирать для себя заведомо шаткий жизненный путь...

Миэ же определила свой будущий жизненный путь еще со школьных времен.

- А можно я буду читать твой роман, пока ты его пишешь? – предложила я как-то Миэ.

- Подожди, пока напишу, роман-то интересным будет, - ответила Миэ и тут же пустилась пересказывать с самого начал сюжет еще не написанного сочинения. - А знаешь, почему нас, тех, кто выжил и вернулся в город, преследуют мучения и болезни? – продолжала Миэ. – Я поняла.

- Помнишь, тогда, девятого и мертвые, и те, кому посчастливилось выжить, добрые живые души, лежали по канавам и рвам, вырытым вокруг военного завода? - продолжала Миэ. - Когда я в тот день убегала, то забыла на заводе коробку с завтраком и головную повязку с надписью «ПВО». Так вот, когда война закончилась, я отправилась их искать.

- И нашла? – спросила я.

- Да, - ответила Миэ. – Нашла алюминиевую коробку для завтраков. Рис в ней совсем почернел и обуглился...

Я не могла поверить в то, что Миэ была в своем уме: она искала свою головную повязку в эпицентре взрыва, на территории, к которой я опасалась даже приближаться.

- На вид там ничего вредного нет. А писатель должен побывать на месте взрыва нового типа, первого такого взрыва в истории человечества. К тому же все, что там осталось – это остов завода, металлические балки, перепутанные как в головоломке с кольцами. И горы мусора. Это уж золотое

правило: где человек – там горы мусора. Глянешь на пепелище – и видишь горы мусора, эти символы цивилизации. Да, и дороги...

Думаю, понятие дороги впервые возникло еще в первобытную эпоху, когда человек только встал на ноги и пошел. Дороги остаются и после того, как человек гибнет. Они тянутся в прежнем порядке, только по ним никто не ходит... Из-за железных балок, щебня и мусора они становятся более узкими, но и после взрыва дороги остаются – по ним убегают люди... Интересное это дело – дорога...

- Я вот думаю о том, что видела тогда, когда шла по дороге, а потом упала в ту канаву у завода, - продолжала она. - Когда я открыла глаза, то увидела множество крохотных круглых шариков. Что это было?

- Большая доменная печь, - ответила я. Это мне вспомнилось шуточное и, наверное, подражательное стихотворение, которое кто-то написал мягким карандашом на одной из страниц записной книжки Миэ:

*"Разумных, серьезных девиц не люблю!
Бросаю в огонь юных дев - одну, еще одну!..
Ведь не люблю я серьезных! Так
вам, дурам, и надо!"*

- Там, в канаве, откуда-то слышался звук, - ответила Миэ, погасив свою обычную вымученную улыбку. – Как будто пузырьки выходили из маленькой дырочки и лопались. Может, это болотный газ выходил? Или еще какой?.. Я об этом напишу. Когда добрые души гибли, демоны прятали их в землю... Как Ноев ковчег, только наоборот... В тот день, когда я увидела яркую вспышку, то совсем было пропала, но они меня

быстро в землю спрятали... А так мы, те души, что выжили, изначально погибнуть были должны...

Я понимала, что хотела сказать Миэ. Только вот на пепелище быстрее всех душ возрождались мухи и их личинки. А мухи переносят болезнетворные микробы. И это никак не способствовало прославлению праведных душ.

- Это же так просто, - продолжала Миэ. - Когда зло забирает отсюда души, человечество меняется. И теперь этот мир совсем не такой гармоничный, как в любимом романе «Ни ветерка»... Или нет?.. Роман о зле – он бесконечен... Не знаю, смогу ли его дописать... Рамки крепки, а все цветы цветут разными цветами...

Миэ оборвала свою жизнь, так и не узнав, имеет ли конец роман о зле. А для нас, пришедших на ее могилу, смерть Миэ стала первым намеком на то, что она ждет нас всех...

Что есть путь паломника? Путь исканий? Путь потерь? Обходя храмы, чувствуешь, что искать и находить их становится все труднее. Всего лишь двадцать тому назад маршрут, соединяющий храмы, проходил среди рисовых полей и лугов, а черепичные кровли самих храмов были разбросаны среди нетронутых человеком природных пейзажей. Собственно говоря, таким был и весь полуостров – лишь в самые последние годы построенные человеком дома скрыли и горы, и долины. Жилища, поглотившие поля и горы, внезапно захлестнули и храмы, и теперь они тонут среди городских кварталов. Дороги к храмам забыты, и если спросить местных жителей о том, где тут рядом находится храм, то они

чаще всего не знают – будды отгородились от мира людей... Однако F и T без усталости продолжали свои поиски, и уже в сумерках мы, наконец, достигли последнего из запланированных на сегодня храмов...

Этот древний храм с пятисотлетней историей тоже располагался на вершине горы. По лестнице, сложенной из природных, необработанных камней, мы поднялись наверх. Чтобы наладить сбившееся дыхание, я сделала глубокий вдох. Листья деревьев почти закрывали небо, поэтому воздух у храма был сырым.

Мы направились к пустому храмовому строению и попросили показать нам обитель. Появилась женщина, лицо которой было изрезано сеткой неглубоких морщин.

- Откуда вы? – спросила она и, не дождавшись ответа со словами «Издалека... Конечно, издалека...» раскрыла вправо и влево раздвижные двери. В зале царил полумрак, но лицо женщины и силуэты предметов были видны весьма явственно. Я выложила на стол салфетку, которую подарила мне Кана.

- А некоторые просят поставить печати прямо на нижнее белье, - проговорила женщина, аккуратно расправляя салфетку. – Говорят, и больным, и покойникам помогает...

Привлеченная ее голосом, из дальней, совсем темной комнаты храма показалась еще одна женщина.

На вид женщина была на три-четыре года младше нашей собеседницы, у нее тоже была сутулая спина и седые волосы. Одетые в простую одежду женщины казались сестрами.

Женщина, расстелившая платок и ее «младшая сестра» начали искать печать. Печать оказалась в старой деревянной коробке.

- Вот эта, что ли? – Склонив головы, «сестры» пытались прочитать надпись на печати.

- Вроде эта... - «Младшая сестра» опустила белую руку в коробку, со стуком выловила печать и вытащила ее наружу. Теперь добытую печать предстояло окунуть в штемпельную краску.

- Там, где написано «Славься, бодхисатва Кандзэон», слово «бодхисатва» должно отпечататься черным, - заметила «младшая сестра».

Главной святыней этого храма было изваяние Такими Каннон.²⁷

- Да, конечно, - спокойно согласилась с ней вторая «сестра», и они принялись искать черную тушь для печати. Мы в почтительных позах сидели рядом, покорно внимая диалогу женщин.

Объезжая с утра несколько храмов, в которых нужно было поставить печати, мы познакомились с самыми разными людьми. Настоятель одной из обителей вышел к нам в тренировочных штанах в сопровождении внука лет пяти-шести, глава другой - долго отгонял лаявшую на нас комнатную собачку. Все это больше, чем все произнесенные благодарности, подтверждало, что мы находимся в мире людей. Так, может быть, в этом и состоит для меня смысл паломничества? Тем более, если поразмыслить, то мне очень интересно прикасаться к простым человеческим качествам и рассматривать их...

Похожие на сестер женщины не были монахинями, но мне с ними было намного спокойней, чем с родными сестрами. Было забавно смотреть, как каждая из них в любом вопросе упорно стояла на своем и не желала уступить.

«Младшая сестра» сказала, что здесь можно помолиться Марии-Каннон.²⁸ Оказывается, в этом буддийском храме, принадлежавшем к течению Чистой земли, находилось изваяние Девы Марии!

На том острове, где жила Кана, тоже поклонялись Марии-Каннон. Перед старинным изваянием тайно молились еще те верующие, которые, сопротивляясь запрету христианства, нашли убежище на южном острове.

Когда у нас было восстание в Амакуса?²⁹ В 1637 году. Так вот, оказалось, что этот храм имел еще более древнюю историю, но в какие времена в нем стали поклоняться Марии-Каннон, осталось неизвестно. Но, по крайней мере, это произошло в то время, когда и возник культ Марии-Каннон, то есть в период Эдо.³⁰

Таким образом, наш полуостров тоже, можно считать, попал в историю подавления христианства...

В сопровождении женщины мы преодолели почти два десятка ступеней каменной лестницы и поднялись наверх. Зал Каннон стоял на совершенно ровном участке, густо поросшем мхом. Женщина открыла запертый на замок зал. Он оказался крохотным – похоже, не более четырех с половиной *татами*.³¹ Из-за густых кустов вокруг зала внутри него было совсем темно. С разрешения женщины мы прошли в зал, подошли поближе и поклонились фигуре Марии-Каннон. У нее было лицо женщины с

Ближнего Востока. За долгие годы облик небольшой, покрытой сусальным золотом статуи потускнел. К правой груди Мария-Каннон прижимала младенца. Казалось, что в самой манере обнимать дитя проявлялось влияние тех времен, когда христианское учение испытывало на себе превратности судьбы. Иисус, облаченный в легкую одежду ярко-красного цвета, как у цветов горной камелии, смотрел в лицо Марии-Каннон. Выражения лиц матери и дитя были совсем не такие, как у фигур, которые я видела на полуострове, где жила Кана.

Тот образ Марии-Каннон, который я видела на острове, был гораздо ближе к восточным буддийским статуям и потому полностью отвечал целям «маскировки».

Похоже, верующие, у которых не было иного выхода, кроме как тайно молиться, в конце концов, привыкли к виду буддийских изваяний.

Здесь, на полуострове, местные крестьянки тепло относились к Марии-Каннон, ибо почитали ее как буддийскую богиню, которая облегчает роды – тем более что в ее профиле навсегда запечатлелась любовь к грудному младенцу, вскормленному ее молоком... Где они сегодня, спустя столько лет? Да и будды – наверное, ушли в мир иной от превратностей, царящих в мире людей... Мы поблагодарили женщин за их доброту глубоким поклоном и стали подниматься на потемневшую гору.

- Ну прямо свекровь и невестка, - приснула одна из моих молодых спутниц. Другая с улыбкой кивнула.

Заканчивался день паломничества, который я провела с молодыми людьми.

- Ну, мы возвращаемся на работу, -

опустив стекло своей машины, Т и F приветственно помахали мне рукой.

- Спасибо вам, - с поклоном ответила я.

- Душевно по храмам ходили, - заметили молодые люди. – Хорошо, что о чем-то вместе повспоминали!

Почувствовав искренность этих слов, я еще раз поклонилась убегающим стоп-сигналам...

Благодаря такому маневренному средству, как машина, мне удалось обойти больше храмов, чем я планировала. Но к оставшимся обителям теперь нужно было добираться на автобусах или пешком...

Обходить храмы один за другим адски трудно. Приходится медленно переставлять ноги, в полной тишине двигаясь вслед за своими товарищами-паломниками. Пока мы брели, я просила для Кана тишины и покоя, а душа моя переполнялась жалостью к девочкам, которые исчезли в пожаре войны, не познав даже таких радостей, как ленты для украшения волос.

- Это симпатичные девушки, - сказала я своим девочкам. - Полюбите их. Девочки, вы со своего ночного неба обязательно их увидите! Когда-то одна подозрительная гадалка сказала мне, что вокруг вас много душ собирается. Тогда я только посмеялась, а сейчас мне хочется в это верить. Я была очень довольна тем, что эти двое молодых людей и мои девочки нашли друг друга. Они в каждом храме подолгу держали руки в молитвах перед изваяниями Каннон, и, может быть, где-то в уголках их душ нашлось место и для моих девочек...

В ноябре прошлого, 1998 года в Нагасаки состоялась Конференция ООН по вопросам разоружения, в которой участвовали представители 23 стран. Все они перед открытием конференции посетили музей атомной бомбардировки, и это событие освещалось в газетах. И вот что сказал тогда глава департамента сокращения вооружений министерства иностранных дел Пакистана господин Шахбаз:

«Мы хорошо понимаем, что тогда произошло. Это не должно повториться. Однако Индия получила доступ к ядерному оружию, и потому мы в целях самообороны тоже вынуждены были получить такой доступ. Теперь же две страны, Индия и Пакистан, должны изменить свою политику».

Думаю, господин Шахбаз, который первый раз побывал в музее атомной бомбардировки, говорил совершенно искренне. Но что будет происходить теперь, после того, «что тогда произошло»?

Представитель Индии госпожа Савитри Кунади заявила следующее: «Пять держав не должны иметь монополию на ядерное оружие. По-настоящему безопасный мир можно создать только в том случае, если ни одна страна не будет обладать ядерным оружием».

Мне вспомнилось послание, которое я уже цитировала – письмо подполковника Дельноа, начальника американской военной администрации Нагасаки, от 9 августа 1948 года:

«Событие, которое произошло в такой же день три года назад, показало не только японскому народу, но и народам других стран, что обретение человечеством

атомного оружия, обладающего безграничной мощью разрушения, делает войны воистину бесполезными...»

В письме подполковника мне слышатся человеческие, из глубины сердца идущие слова. Но прошло полвека. И вот теперь при бомбардировках с воздуха Края Косово, словно в современном романе, используются боеприпасы с низкообогащенным ураном. Это же ничем не отличается от атомной бомбардировки! На щеках детей, которых показывают в телевизионных новостях, блестят слезы. О чем думают государственные деятели, глядя на эти слезы? И ради кого бьются люди в этой войне?..

Что такое судьба? В японском толковом словаре «Дайдзириин» написано, что это причинная сила, определяющая существование живого существа. Разъяснено в старинном словаре и понятие «жизнь». Как следует из разъяснения, конкретный человек со своим именем есть «обтянутый кожей мешок», содержащий жизнь. Объяснение без иллюзий, но вместе с тем весьма таинственное! А смерть – это остановка энергии, прекращение действия силы, и вместе со смертью на нас обрушивается тяжелое безмолвие. А раз так, то смерть, хоть и происходит от конкретных причин, но она изначально заложена в человеке, от чего он страдает и мучается. Похоже, корень наших страданий и тщетных усилий – в том, что смерть есть основа жизни...

Примерно в то время, когда мое паломничество подходило к концу, скоропостижно скончалась одна девочка. Ей было 13 лет, она училась в первом классе средней школы. Прямо во время

занятий девочка почувствовала себя плохо, и ее на «скорой помощи» увезли в больницу. На следующий день, не приходя в сознание, она умерла. У девочки была красивая мечта прийти сдавать экзамены в парадной форме этой школы, которую она очень любила. Поэтому ее одноклассницы пришли проводить свою подругу в последний путь в самой парадной школьной форме, только гольфы надели черные... А одна из ее подруг по внеклассным занятиям, которая не смогла в одиночку справиться с шоком, позвонила девочке из нашей семьи и попросила составить ей компанию – она хотела пойти в парк развлечений покататься на американских горках...

Услышав этот разговор, я тоже испытала шок. Мне стало понятно, насколько большое место в этом мире может занимать один человек, вспомнивший о девочке в школьной форме, которая умерла прямо в классе...

Смерть незнакомой мне девочки не должна была меня встревожить так, как неожиданные смерти, потрясшие меня пятьдесят лет тому назад. Почему же так разбередила мне душу смерть этой девочки, у которой я даже имени не знаю? Ведь последние прощания и с Кёко, и с Философом я перенесла спокойно...

Насколько я помню, впервые осознание смерти пришло ко мне 9 августа, когда погибли мои подруги и учителя. После войны, в октябре, когда начался второй семестр, на панихиде перечислили всех погибших учеников. Среди тех имен, которые читал классный руководитель, были имена трех девочек. Это были мои одноклассницы – я слышала эти имена, когда выбралась из-под развалин завода и побежала на гору Компира.

Весть о колоссальных разрушениях в Ураками достигла неразрушенных взрывом кварталов города быстрее, чем туда пришло атомное облако. Люди бросились в Ураками в поисках своих родных и близких. Среди этих людей мне на бегу попался старшекласник, одетый в «форму для гражданского населения» цвета хаки. Увидев у меня нарукавную повязку, он крикнул:

- Не знаешь таких девочек – О. и Е.? Они твоего года...

Имена эти я знала, но девочек в лицо не помнила. Не знала я и к какому заводскому участку они были прикреплены. Так я и ответила парню.

- Ну, счастливо! – сказал он, не прекращая озираться по сторонам в поиске. – Ты там поосторожней!

С этого мгновения имена двух девочек навсегда отпечатались в моей памяти.

Как потом оказалось, третья девочка, ее звали У., погибла на заводе, у бетонки. Она работала в четвертом машинном. Е., которая работала на одном месте с У., также погибла на месте. Однако из заводского журнала, который вел прикомандированный к заводу инженер, можно было уяснить только то, что Е. действительно погибла, а погибла ли У., оставалось неясным. О. работала на первом участке – и там же погибла... Из плана военного завода Мицубиси в Охаси видно, что рабочие места всех трех девочек находились в самом центре территории предприятия...

Имя У. я услышала от мчавшегося вместе со всеми студента университета. Он сказал, что это имя было написано на сандалии у девочки, и что мизинец у нее

еще дергался. Этот студент тоже увидел у меня нарукавную повязку женской школы и рассказал, где лежит умирающая девочка. Так случайно сразу же после взрыва я узнала имена всех этих трех девочек. Пока я бежала, они умерли...

Во время траурной церемонии я в ошеломлении повторяла про себя имена девочек. Учитель одну за другой зачитывал фамилии погибших, но в меня запали только три имени – только они, ничего больше, ни удивления, ни скорби...

В тот время я чаще просила помочь мне самой, чем молилась за упокой души погибших подруг... Почти два месяца после 9 августа с холмов Мацуяма-мати вместо «Слався, Будда Амида», звучало: «Помоги мне!». Помоги вернуться в себя, какой я была до того, как яркая вспышка залила светом все вокруг...

С той поры я прожила много лет, не раз рассуждала и о жизни, и о смерти, и та первая острота чувств, конечно, притупилась. Но когда сегодня внезапно умирает девочка, мою душу снова пронизывает острое, подлинное чувство смерти. Почему? Может быть, это оттого, что девочка почти ровесница мне, какой я была более пятидесяти лет тому назад?

Это случилось примерно через неделю после того, как я обходила храмы вместе с молодыми людьми. В последней декаде августа наш полуостров залило солнцем, наступила невыносимая жара.

Я села на автобус и выехала из своего города, собираясь посетить храмы, расположенные вне нашего полуострова, на тихоокеанском побережье. О том, что

они там были, говорили значки, расставленные на карте нашего полуострова и вокруг. На карте первый храм, в который я собиралась, находился всего в пяти миллиметрах от береговой линии. Мой план состоял в том, чтобы сначала осмотреть этот храм, а потом вернуться к заливу и обойти другие близкие обители. Если бы мне удалось обойти три-четыре храма, это было бы прекрасно!

Через полчаса автобус подошел к нужной мне остановке. Было около 11 часов утра. Заглядывая в карту, я двинулась вперед. Вскоре остался позади торговый квартал, среди которого реяли на ветру флаги, возвещавшие о большой летней распродаже. Впереди простиралась поля, засаженные баклажанами; ароматы моря здесь совершенно не чувствовались. Я вернулась в торговый квартал и спросила, где здесь находится храм. Мне ответили, что нужно чуть пройти по бетонке через поле, а там... а там спросить. Я вернулась на бетонную дорогу, проходившую через поля с баклажанами.

У меня есть опыт выращивания баклажанов – когда я училась в женской школе в Шанхае, мы работали на огородах. Помню, вернувшись в школу после окончания летних каникул, мы обнаружили, что баклажаны на огороде потеряли свой блеск и ярко-лиловый цвет, ссохлись и стали коричневыми. Следуя указаниям учителя биологии, мы стали вносить под все корни удобрение – навоз, разведенный водой. Когда на следующий день мы пришли посмотреть на грядки, то увидели, что побеги баклажанов ожили, а сами они снова стали темно-лиловыми. А еще через несколько дней плоды стали мягкими...

Полная привитой мне любовью к этим

плодам, я подняла росший у края дороги баклажан осеннего сорта. Напитавшийся жаром бетона плод был чудовищно горячим.

Пройдя по раскаленной, без клочка тени дороге, на которой не было ни души и ни травинки, я вышла к площадке с каким-то автомобильным хламом. Отсюда уходила вперед прямая мощеная дорога; далеко-далеко виднелись покатые крыши, покрытые оцинкованной жстью – наверное, это была местная фабрика...

Словом, при попытке пересечь пешком полосу, которая занимала на карте пять миллиметров, выяснилось, что правильной было бы называть ее внутренней частью полуострова.

Двигаясь по указанной мне дороге, я должна была подойти к храму. Приподнявшись на цыпочки, я попыталась отыскать крышу обители. Ориентирами в городе мне должны были служить крытые черепицей крыши храмов и деревья гингко. Однако сколько я ни вертелась, сколько ни смотрела во все стороны, нигде не было видно ни храма, ни деревьев. Я уже собралась возвращаться обратно, когда меня обогнала легковая машина темно-синего цвета. Я с досадой проводила взглядом мчавшийся под палящим солнцем автомобиль, но он проехал вперед сотню метров и остановился. Из машины вышла женщина в ярко-красных слаксах. В руках она держала ведро и ковшик. Вслед за ней показался молодой человек с крашеными в русый цвет волосами и цветами в руках. Они ехали на кладбище – хотя отведенные для этого дни уже давно прошли. А кладбища и храмы – это вещи взаимосвязанные! Я засемила за молодыми людьми... Двое молодых людей свернули на поперечную дорогу – и вот уже впереди показался долгожданный

храм.

Из всех 33 храмов паломнического маршрута у него было, по-моему, самое необычное название: храм назывался Мурёдзи.³² Мне нравилось, как легко двигается язык, когда произносишь это слово. Мурё... Даром... Даровое сияние... Даровая мудрость... Да, сколько ни старайся, а такого не добиться... Мне захотелось обязательно прийти в этот храм и поставить в нем печать. И от всей души помолиться в этом храме о моей подруге.

Однажды в самую жару Кана уединилась в островном храме – чтобы, как она сказала, разогнать черную тоску, которая нападала на нее каждое лето. Она читала нараспев сутры, переписывала их - и, наконец, выполнила предписанное ей послушание. После этого Кана получила от настоятеля буддийское имя Сикин Тэйю - «Игра багряных прибрежных волн». Не знаю, насколько новоприобретенное имя подходило для такого живого человека, как Кана, но мне это буддийское имя показалось прекрасным – сразу представлялся вид на закатное море с какого-нибудь островного мыса. На платке Кана я тоже заранее попросила написать ее монашеское имя...

Мне оставалось обойти еще несколько храмов. Я попросила благообразного настоятеля, облаченного в темно-синюю рабочую одежду, сделать надпись на салфетке Кана. Худощавому настоятелю на вид было лет тридцать пять.

- Сколько я Вам должна за оттиск печати? – спросила я.

- Сколько пожелаете, - ответил он.

Я передала настоятелю заранее

подготовленный конверт. Сложив руки в молитвенном жесте, он принял его без лишних слов и движений. Пораженная поведением монаха, я с поклоном спросила его, не будет ли он столь любезен, чтобы сделать надпись на салфетке.

– Хочу попросить Вас написать вот это монашеское имя и рядом два знака из названия храма – мурё, - сказала я, развернув салфетку на свободном месте...

Вслед за молодым человеком с окрашенным в русый цвет волосами я вошла в ворота храма.

- Где Вам печать поставить? – спросила меня смотрительница, увидев на салфетке беспорядочную россыпь оттисков.

- Поперек вот этого, – сказала я, показывая на монашеское имя Сикин Тэйю. – Наверное, под этим именем она будет служить Будде.

- А чья это салфетка? – спросила женщина. Я рассказала ей о Кана, то она заметила, что ставить так печати – это «решительно невозможно».

- Наверное, хорошие у Вас друзья, раз Вы все время о них думаете, - похвалила меня женщина.

Взяв в руки салфетку с оттисками печатей, я присела на каменную лестницу перед главным залом храма. В голову палило солнце. Я вынула из рюкзака термос и выпила ячменного чая – он был еще горячим. После этого достала припасенную на обед булочку со сладкой бобовой начинкой и начала ее есть.

Я почувствовала на спине взгляд Бодхисаттвы Каннон, но жевать не перестала. Вернулся отлучавшийся куда-то настоятель, посмотрел, как я жую булочку перед главным залом обители, и скрылся на кухне. Уже то, что я перед ликом Будды не стояла, а сидела, было против всяких правил. Мне самой стало отвратительно собственное бесстыдство.

Первые свои шаги в качестве паломника я делала в ровном расположении духа... Но сейчас, когда мне решительно отказались написать иероглифы «мурё» на буддийском имени Кана, в моем сердце словно взошли ростки протеста.

Когда я разворачивала салфетку Кана у входа в храм Мурёджи, то почувствовала, что оттиск печати, которую на нем поставили в тот день, когда я ездила с молодыми людьми, испускает едва заметный запах. Это душистый аромат штемпельной краски со временем превратился в кислый запах серы. Всего несколько дней прошло – и такие перемены. От этого снова сжалось сердце. Но несколько других печатей храмов Каннон свидетельствовали о том, что я совершила «добрые дела». Может быть, в тот момент я хотела, чтобы меня похвалили? Я повторила слова женщины, которые меня так ранили: «это решительно невозможно!». В словах женщины проглядывала легкая рябь беспокойства.

Я по-прежнему сидела на ступеньках, выставив свою мерзкую сущность на свет солнца. Светило медленно перемещалось по небу, и скоро на каменную лестницу упала тень от крыши главного зала. Я медленно поднялась и пошла к старым, крытым камышом воротам храма. Несколько служителей пропалывали траву, которой поросла территория. Я спросила у них, как проехать к

ближайшему храму Каннон, который посещают паломники.

- Автобусы туда не ходят, - объяснили они. - Только пешком, минут 20-30...

Я напрягла память – в тридцати минутах хода здесь явно не было такого храма. Тогда я еще раз спросила дорогу у мужчины, который выносил из дома мешок с мусором. Жара, казалось, достигла пика. Вдали виднелся первый указанный мне ориентир – вход в туннель. «Он будет метров через сто или двести после выхода из туннеля», - так указал мне мужчина с мешком мусора расстояние до храма.

Пока я шла под прохладным ветерком, продувавшим тоннель, в него со страшным грохотом въехал мотоцикл. Казалось, что шум двигателя, отражавшийся от стенок туннеля, не стихнет никогда. Тоннель оказался гораздо длиннее, чем я ожидала. Но вот, наконец, впереди замаячил свет выхода...

Я шагнула из туннеля на яркий свет, заливавший все вокруг. Как это я шла по такой палящей жаре? Ослепленная, я присела на корточки у выхода из туннеля. Из глубины трубы доносились шумы моторов машин и мотоциклов. Сбившись в сгустки, эти звуки проносились мимо меня. Потом из темноты послышались голоса людей. Постепенно они становились все ближе и ближе.

Я достала из рюкзака салфетку Кана, расправила ее и повязала на голову. Салфетка доставала до плеч и вообще хорошо укрывала от солнца. Надвинув салфетку на лоб, чтобы прямые лучи света не били мне в глаза, я снова попыталась выйти наружу. Чтобы ткань не унесло ветром, я прикусила ее края.

Не очень-то смотрится – ну и ладно. Я же просто паломница, которая прилежно движется вперед.

Двести метров я прошла, но обители не обнаружила. В душе начинала закипать злоба на храм, не желавший показываться мне на глаза. В таком положении проще всего спрашивать дорогу у прохожих, но для меня этот путь всегда оказывался самым трудным – при всем желании я никогда с первого раза не прихожу к цели тем путем, который мне показали. Прямая дорога, которой положено быть единственной, разделяется на две; если мне кажется, что указанное место уже рядом, то до него приходится идти и идти... Наконец, я столько раз заговариваю с людьми, что начинаю злиться на тех, кто показывает мне дорогу...

А тут еще эта жара... Да и компас мой окончательно взбесился: если ему верить, то я хожу туда-сюда по одной и той же дороге... У меня даже закралось подозрение: уж не сами будды из этого храма запутывают мне дорогу? Если так, то они будут и дальше упорно отгонять меня от храма...

Вдали, на дороге, маслянисто поблескивавшей в миражном мареве, показался человек. Он двигался в мою сторону.

- Вы не скажете, где здесь храм, куда ходят паломники? - спросила я, не развязывая платка.

- А Вы знаете, - ответил мужчина, - туда вперед сколько ни иди, ни одного храма не будет. Свернете налево, вот туда, перейдете через дорогу, там будут цвести кустарники *хаги*, лилово-красные такие. По ложбинке спуститесь вперед, там будет море. Ближайший храм там на

берегу.

Следуя советам мужчины, я собралась было перейти через дорогу, но тут же остановилась. Небо над той дорогой, по которой пришел мужчина, сияло ярче, чем небо, расстилавшееся впереди над ложбиной. Под этим небом было море.

- Знаете, мне нужно идти вон туда, вперед, - уверенно сказала я.

- Но там же нет храма... - возразил мужчина...

Однако едва я двинулась вперед, как сзади раздались смешки и хихиканья. Мне стало понятно, что это смеются мои одноклассницы, которые шумной группой вышли из туннеля.

Среди смеха прозвучал глухой голос Кана, отточенный исполнением «коута»:

- Соберись с силами! – говорила она. – Вот я, когда мне шестьдесят стукнуло, начала совсем по-другому мыслить, все время в унынии и печали, как Сюнкан³³ на острове, только что женского рода. Но, с другой стороны, если у Рюносукэ³⁴ почитать рассказ «Сюнкан», то там он говорит, что когда на столичной улице «видишь одного заблудившегося старца, кажется, что в мире нет человека несчастнее его. Но стоит только представить себе бесчисленное множество слепцов, которыми забито все в столице и окрест...» «Я бы, например, при виде такой картины расхохотался» - говорит там Сюнкан. И советует поменять точку зрения. «Прежде всего научись смеяться, - говорит он. - А чтобы научиться смеяться, надобно отринуть гордыню!»

- Я рада, что ты ради меня отправилась в паломничество, - продолжала она. –

Рюносукэ тысячу раз прав...

Казалось, Кана стоит прямо у меня за спиной.

- Мне нужно спокойно разобраться с мыслями Рюносукэ, - сказала я ей, - а я сейчас вместо этого злюсь от жары.

- Ты, наверное, из туннеля не туда пошла, - сказала Кана. – Я так сразу про 9 августа вспомнила.

- Как убегали по горной дороге? – спросила я. Об этом Кана рассказывала мне четыре или пять лет тому назад:

«Голову мне разбило сверху, кровь лилась так, что заливала и глаза, и лицо. Можно было бы обернуть голову стерильной салфеткой, что была у меня в аптечке, но я как-то до этого не додумалась... Я валялась на дороге, подруга меня растолкала и подняла. Поддерживая друг друга за плечи, мы обошли выжженные развалины и в конце концов углубились в горы. Шли по траве, какими-то звериными тропами, и вышли к симпатичному такому туннелю. Было непонятно, где мы, в каком месте гор Компира, и что там впереди, за темнотой вырытого в земле туннеля... Похоже, мы заблудились...

Среди нас, убежавших от взрыва, - продолжала Кана, - был один дядька. Я хоть была не в себе, но на него сразу обратила внимание. Сейчас понимаю, что он для меня сыграл роль такого тонизирующего лекарства, что ли...

Несколько раз я теряла сознание... Пока мы вдвоем добрались до туннеля, солнце уже село. В небе над Ураками плыли облака. Подсвеченные полыхавшими на земле пожарами, они напоминали протухшие рыбные потроха, однако по

мере того, как сгущались сумерки, облака постепенно окрашивались в спокойный лилово-алый цвет».

Кана и ее спутница присели отдохнуть на камни, валявшиеся у входа в туннель. Обе они где-то потеряли свои деревянные сандалии-*гэта*. На подошвах выступила кровь - наверное, их искололи колючки, что росли на горных тропах. Намочив носовые платки водой, каплями сочившейся из туннеля, они стали вытирать ноги. В это время к ним сзади подошел тот самый мужчина и присел рядом с подругами:

- Тут есть короткая дорога, по которой можно вернуться в город. Пойдете со мной? – пригласил он.

- Ну пойдём, - совсем по-детски заныла подруга и потянула Кану за руку.

- Нет, - сдавленным голосом проговорила Кана. – Нельзя. Я не пойду.

- Не время сейчас барышне отдыхать, - заметил мужчина. – Только раны разойдутся да накличете... Сами знаете что...

- Ну пойте-е-м,.. - снова заканючила девочка.

- Нет, не пойдём! – отрезала Кана.

- Ну и сидите здесь до смерти, вы, городские! – сказал мужчина.

- Я хочу домой! – девочка заплакала. – Скорее пойдём!

Кана схватила ее за руку.

- Дяденька, Вы идите, а мы здесь подождём, - проговорила она.

«Знаешь, как я тогда хотела с ним пойти? - рассказывала мне Кана. - Но понимала, какой это ужас – мужчина. Мечтала, чтоб до свадьбы – ни-ни, как бы человек мне ни нравился... А он и слышать ничего не хотел, мол, пойдём с дядей и все. Я заплакала.

Может он на самом деле хороший был человек, этот дядька-то. Но зазывать в туннель, где темно, хоть глаз выколи... И с ним одним... Ясно для чего! Я плачу, из-за раны двинуться не могу, тут никого не осталось, расскажи кому... Я зарыдала в голос.

Там мы и просидели в горах всю ночь до рассвета спина к спине, чтоб теплее было. А человек этот спустился вниз по какой-то боковой тропинке.

- Он ушел! Ушел! – девочка все продолжала плакать. Теперь только я осталась ее охранять. Я завидовала плачущей малышке, которая верила этому человеку. Мне стало досадно: как ей не объясняли, что бывает между мужчиной и женщиной, она так и не поняла, а только обиделась», - закончила Кана.

Кана довольно подробно рассказывала мне о своем прошлом, но то, что случилось на горной дороге ночью 9 августа, долгое время скрывала. А рассказала она об этом, похоже, тогда, когда я послала ей *хамаю*. Да, тогда она мне рассказала все, что случилось той ночью, и не только...

«На меня со школьных времен положил глаз один человек. И однажды, во время войны, ночью, неожиданно, я отдалась этому человеку. Так было определено. «Я, может быть, живым уже не вернусь, - говорил он, - и потому хочу сейчас быть с тобой». Во времена милитаризма я была

еще девочкой и не очень понимала скрытый смысл слова «хочу»... А спустя два месяца, после атомного взрыва, в горах, я остро почувствовала, что мое тело резко отличается от всех ваших. В нем билось великодушное сердце девочки, которая знает, что это такое – не возвращаться...

- Печально все это, но я ни в чем не раскаиваюсь, - думала я, хотя далеко не была в этом уверена...

Наверное, с тех лет я и тоскую, как Сюкан в юбке, хотя все про женские горести, наверное, даже Рюносукэ не смог бы объяснить. Вот я не понимаю даже, как всю жизнь с одним мужчиной можно прожить. Ну да «стоит только представить себе бесчисленное множество слепцов...», - закончила Кана...

Проходившая мимо женщина, увидев, как я разговариваю с Кана, перешла на другую сторону дороги. Женщина, наверное, возвращалась домой после работы в поле – в руках у нее была тяпка. Человек, обмотав голову полотенцем, разговаривает с невидимым собеседником – наверное, она решила, что я тронулась. Но меня это не волновало... Похоже, лучше и все оставшиеся храмы лучше обходить в таком виде. Когда захочу засмеяться – засмеюсь, захочу поговорить с Кана или другими друзьями – буду говорить с вымышленными образами... Наверное, только так можно разбить рамки, в которые обычно помещены душа и тело человека, и обратиться к нему напрямую. Наверное, пока тянется дорога, по ней надо идти, изгоняя накопившуюся в организме отраву. Главное мое желание – дойти до конца и там повалиться замертво. Пройти путь паломника до конца и исчезнуть... Другого пути помочь

нет – только дойти до конца и исчезнуть. Разве не так?

Кана громко засмеялась.

- Что, растерялась? - сказала она.

- Нет, я пока в здравом уме, - ответила я.

- Ну вот и хорошо, - отозвалась Кана. – А я с приближением лета запираюсь дома, все двери закрываю... Свет только маленьким лучиком через щелочку в двери пробивается... В разгар лета свет из щелочки целый день льется, когда дело к осени идет – полоска света слабеет, а к концу сентября свет совсем холодным становится. И я с помощью этой полоски света во тьме к жизни возвращаюсь. И в мозгу жар спадает, и за цветами в саду могу присмотреть, и с постели встать могу - сразу видно, что душа и тело пока еще живы...

Мне кажется, что у меня голова разбита, потому что тогда на заводе на нее упала металлическая балка, что через трещину в голову попало много всякой радиоактивной дряни, и что если бы ее можно было разобрать, вычистить, вымыть, то я бы зажила обновленной жизнью.

Я оказалась у крутой, почти отвесно вырубленной стенки каменоломни. С тех пор, как я вышла из туннеля, прошло уже 40-50 минут. Я уже было примирилась с мыслью, что для того, чтобы попасть в следующую обитель, мне придется возвращаться обратно, но вдруг увидела главные ворота храма, который я так долго искала. Входные ворота храма больше всего напоминали вход в жилой дом и с идущей мимо храма улицы были совершенно незаметны. Сам храм стоял на холме, возвышающемся над рыбацким портом. Увидев мое раскрасневшееся

лицо, служитель храма, который занимался уборкой территории, предложил мне холодного красного чая в жестяной баночке. Сложив руки в приветствии, я приняла баночку с чаем.

Храмовая дорожка шла по склону в тени деревьев. Я присела под сенью дерева и стала смотреть на море. На поверхности воды, окрашенной заходящим солнцем, шевелилась мелкая рябь. Было около четырех часов дня. В порт возвращались шхуны с рыбаками. У подножия холма, вдоль дороги, стояли в ряд одноэтажные домики, украшенные вывесками «рыболовецкое судно такое-то». Позади домиков тянулась пристань..

На тропинках, пересекающих основную дорогу, появились рыбаки в оранжевых спасательных жилетах. Похоже, улов оказался богатым. Воздух наполнился громкими голосами мужчин. Впрочем, была там и женщина. Она прижимала к груди ящик из пенистого полистирола. Видимо, она только начала заниматься рыбной ловлей: по сравнению с тщательно подобранными рыбацкими снастями мужчин ее снаряжение производило впечатление собранного наспех. Да и кожа у нее обгорела куда больше, чем у мужчин.

Остров, где живет Кана, тоже окружает море. Но то море было куда более грандиозное, чем это, что расстилалось у меня перед глазами; даже в те дни, когда царит полный штиль, оно тяжело поблескивало, словно серебро...

...Вместе с парой-тройкой одноклассников я стояла на мысе, выступающем далеко в море. Мы с Кана пришли посмотреть на воду. Отмечали ее шестидесятилетие. Этот остров находится

далеко в море, и большую часть года по нему бьют сильные волны и обдувают буйные ветра. Когда Кана, этот Сюнкан в юбке, стала на мысе и увидела расстилающееся со всех сторон море, то скорбь пронизала ее до костей. На морской глади черными точками качалось несколько рыбацких лодок. Людей мы, естественно, не видели. Только на одном суденышке, колыхавшемся где-то между мысом и линией горизонта, два человека – отец и сын, а, может быть, муж и жена – напрягаясь из всех сил, тянули заброшенную сеть. Остров огибало теплое течение, которое приносило сюда косяки рыбы, и потому на острове жили одни только семьи рыбаков.

- Спокойно-то как... - сказала одна из подруг.

- Под палубой, конечно, ад, - отозвалась Кана, - Но рыбаку сейчас хорошо, спокойно, одиноко. Да еще и солнце светит...

Зашла речь о том, кто в тот день видел яркую вспышку и как рефлекторно пригибал голову.

- Я видела, - сказала одна из подруг. – Она обрушилась мгновенно, как будто затвор у фотокамеры щелкнул.

На самом деле она попала едва ли не в саму вспышку: на спине и руках подруги виднелись рубцы от ожогов.

- На лицо как мягкую ткань набросили, - сказала Кана.

Иными словами, Кана и другие мои подруги видели при вспышке то, что описал в своем докладе профессор Нагаи Такаси: «вспышка обрушилась на землю со всех сторон» и «люди видели вспышку,

где бы они ни находились»

- А я не знаю, видела я вспышку или нет, - заметила еще одна подруга. – Наверное, если хрусталик изучить, то это станет понятно...

Нескольким моим одноклассницам, пострадавшим от взрыва атомной бомбы, был поставлен диагноз «катаракта». Вообще-то страна не замечает связи между болезнями *хибакуся* и тем, что случилось 6-го и 9-го числа, но, оказывается, катаракта – это совсем другое дело...

В словах «если изучить, то станет понятно» мне явился новый смысл. Я подумала о том, что событие, случившееся 9-го августа, было худшим из всего, что преподнесла мне судьба. Я с грустью подумала, что если бы не было этого 9-го, то, возможно, я прожила бы свою жизнь спокойно и гладко, как другие люди. Вот если бы это можно было подтвердить, исследовав изменения, которые произошли в моем организме!

- А почему другое дело? – спросила я.

Оказалось, что если исследовать глаз с помощью микроскопа со щелевой лампой, то катаракта, вызванная атомным взрывом, представится как скопление твердых и темных помутневших участков в центре хрусталика. И отличие ее от катаракты, приобретаемой с возрастом, состоит в том, что твердые белесые помутнения концентрируются именно в центральной части хрусталика. Иными словами, люди за один миг 6-го или 9-го числа приобрели болезнь, которая развивается долгие годы.

- Короче, даром говорили, что нам

этим светом глаза сожгли, - закончила подруга.

- Так нужно врачам показаться, - сказала я.

- А они только смотрят да говорят – в этом глазу минус, - заметила Кана.

Действительно, помутнение хрусталика и падение зрения не обязательно происходят согласованно. Но мне все-таки захотелось узнать, в каких условиях я оказалась в тот день в деревянной хибарке и где находилась относительно атомной бомбы.

- А меня обследовали, - проговорила та подруга, которая сказала «если изучить, то станет понятно...». – Зрение упало, поэтому меня обследовали, но сказали, что все в порядке. Вот такой был диагноз. Как-то я даже обескуражена была. В общем, сложные чувства испытала, - закончила она.

Я кивнула. Какой бы диагноз в таком случае ни поставили, все равно толку от него мало. Ясно, что сильнейшая световая вспышка все равно нанесла колоссальный ущерб организму.

- Какая разница, с какой тарелки яд есть? – заметила Кана.

Солнечный свет, рассеянный на поверхности моря вблизи полуострова, был куда мягче сотворенных человеком лучей, прожигавших зрачки *хибакуся*. Я взяла в руки салфетку, принадлежавшую Кана, и спрятала ее в рюкзак. Наверное, мне это только показалось, но после того, как на салфетке появились печати более десятка храмов, она заметно потяжелела – может быть, потому, что ее слегка пропитала штемпельная краска?

- Вот обойду все тридцать три храма, тогда и пошлю тебе салфетку, - сказала я Кана, похлопывая по рюкзаку. Но где она, эта Кана? Неизвестно...

Я спустилась по склону и дошла до автобусной остановки, которая находилась в торговом квартале. Долго же я шла! Даже если не плутать, все равно на обратную дорогу хорошо если уйдет минут сорок...

Рыбаки рассаживались по стоявшим вокруг машинам и разъезжались по домам. Вдыхая запах бензина, я шла по дороге и вместо того, чтобы распевать песни, шептала имена моих ушедших подруг. Попадая в такт шагам, звучали на убегающей вдаль дороге имена трех девочек и трех учителей.

Забывшая свою песню канарейка, маленькая М. с голосом, прекрасным, как звон серебряных нитей... Она прожила только неделю и все просила у матери ситро. В то время сладкая газировка не числилась среди основных продуктов питания, поэтому мать напоила ее водой с сахаром и содой. «Как вкусно!», - сказала М., глубоко вздохнула и отошла в мир иной...

А вот даровитая, способная S Она в цеху выдавала пособия... В «заводском дневнике», оставленном мастером, написано, что S была вся изранена... В 33-ю годовщину я видела ее мать, маленькую женщину, очень похожую на S Она спускалась по лестнице храма, в котором проходила церемония. Я окликнула ее, подбежала, сказала, что часто вспоминаю S, добрую девочку, с лица которой никогда не сходила улыбка...

Услышав голос, мать S подняла на меня глаза, но тут же опустила голову и стала

быстро спускаться по лестнице. Что подумала она о продолжающей жить однокласснице своей покойной дочери? Суровый взгляд матери, пребывающей в трауре по дочери, стер из моей памяти воспоминание об улыбке S...

- Слався, Будда Амида! - Я помолилась за маму S и стала повторять про себя имена других одноклассниц: Миэ, Кёко и R., о которой я совсем забыла. Она умерла, когда ей было 45. Помню, как только вышла моя книга «Пляска смерти»; R., собрала двадцать экземпляров книги и пришла ко мне. Двадцать книг, которые R. завязала в платок-фуросики при помощи какой-то студентки, тяжело тянули плечи женщины, которая только что выписалась из больницы; R. тяжело дышала. Вскоре после того, как она закончила среднюю школу, у нее умерла мать, и девушка пошла по жизни в полном одиночестве.

- Как я рада! – заговорила R. – Хочу, чтобы все прочитали, поэтому ты подпиши!

R. работала на производственно-техническом участке. Судя по тем записям в табельном журнале, она не пострадала. Но после того, как она приходила ко мне, R. прожила только три года...

Она считала, что самое правильное – лечиться у своего старого, домашнего доктора, и раз в месяц ездила на обследование в Нагасаки. Поговаривали, что состояние ее неважное, но по телефону она всегда отвечала бодрым голосом. «В следующем месяце снова съезжу на обследование, - говорила она. – От самолета я немного устаю, да и вообще когда люди по небу летают, немало всякого происходит, но муж все

понимает, пусть уж еще немного потерпит мои капризы...»

Мы обступили лежавшую в гробу R. Лицо и тело у нее стали снежно-белыми, как хризантемы. Такая болезнь могла быть только последствием атомного взрыва, но как она называлась – никто не спрашивал.

A L стала врачом. Она работала на втором участке точной механики. В журнале происшествий против ее фамилии стоял прочерк, но на самом деле она была ранена осколками стекла, которые попали ей в щеки и в губы. Это была умная девочка – ее отец был профессором медицинского института в Нагасаки. Так же как и I – у нее отец тоже был профессором. Отцы L и I развернули движение за создание медицинского института Нагасаки женского отделения, чтобы можно было готовить женщин-врачей и, в частности, набирать на первый курс девушек. Планы родителей и мечты девочек двигались к осуществлению. Но в тот день отцы девушек читали студентами лекции – и оба погибли во время атомного взрыва. Мечте отца и его дочери пришел конец. I, которая хотела стать врачом, оказалась во главе семьи и была вынуждена пойти работать. Это была красивая, привлекательная девочка. I умерла всего лет десять тому назад. А вот L выполнила завет покойного отца – стала врачом. А ее когда не стало? Наверное, уже лет двадцать тому... Возвращалась домой за рулем своей машины, когда ее настигла смерть от кровоизлияния в мозг.

Ни одна из моих подруг не умерла от какой-то особой болезни, и вместе с тем их упорно преследовали всякие хвори. Казалось, в их телах там и сям были разбросаны семена болезни, и все они умирали скоростижно, как L и I.

Мое паломничество завершилось: мне осталось посетить только один храм. В некоторые из обителей я приходила по два раза, и оба раза они были закрыты. А были и такие храмы, в которых уже не ставили печати. Наверное, чтобы застать кого-нибудь в этих храмах, мне нужно было совмещать паломничество с экскурсиями и приезжать в храмы с утра, на автобусах. А так получалось, что я появлялась тогда, когда уже не могла застать ни богов, ни будд.

Перед тем, как отправиться в последний оставшийся на моем маршруте паломника храм, я встретила с доктором S

Доктор S лечил людей, пострадавших от бомбардировки, поэтому я хотела узнать, что он думает об их болезнях. S было уже за восемьдесят. Я пришла в холл гостиницы, в которой мы договорились встретиться, и стала дожидаться профессора. Лет пять назад мы с ним уже беседовали – это было в редакции одной газеты, расположенной в центре Токио, в районе Гиндза. Тогда он опирался на трость и выглядел совсем бледным. Вспомнив лицо и фигуру доктора, за плечами которого были долгие годы жизни, я стала озираться вокруг в поисках очень пожилого человека и даже приняла за него нескольких мужчин. Наконец, я нашла и доктора, человека с совершенно юношеским выражением лица – казалось, он пережил второе рождение.

- Здоровье уже никуда не годится, - сказал мне профессор, - дело дошло до того, что даже инвалидной коляской не могу пользоваться – однажды даже упал.

Доктор S тоже был *хибакуся* – он

пострадал от взрыва в Хиросиме 6 августа. Как военного врача его направили помогать людям, оказавшимся в эпицентре взрыва. В результате он тоже оказался на краю гибели и выжил только благодаря помощи других военных врачей, которые каждый день переливали ему по 200 миллилитров крови.

- Они чутьем поняли, что кровь в этом деле, - главное, - рассказывал доктор. - Вот благодаря им я до сих пор и жив...

- Я очень хотел выздороветь, но сначала это как-то плохо у меня получалось, - рассказывал доктор. - После того, как с кресла-каталки встал, пытался плавать. Но и это не получалось: поясница болела так, что я даже плавать не мог. Но зато в воде легче было ходить. Жена подвозила меня к бортику бассейна, и я потихоньку ходил в воде, прямо среди порхавших по бассейну женщин. Сначала по пятьдесят метров проходил, потом по сто, двести... Сейчас, можно считать, до Акаси дошел. Хочу, в конце концов, до Хиросимы добраться...

- А в чем причина такого расстройства здоровья? Она связана с 6 августа? - спросила я.

- Не знаю... - произнес доктор S - Может, и просто старость... Но у нас, *хибакуся*, причины ухудшений никогда не ясны: может, они обычные, а, может, идут оттуда, с 6 или 9 августа... Но, как говорится, если уж вышел в путь, то ничего не поделаешь, нужно идти вперед. А мы все вышли - 6 и 9 августа...

- А есть какие-то симптомы у болезней, характерных именно для *хибакуся*? - спросила я.

- Сопrotивляемость организма понижена

и иммунитет, - ответил доктор. Простужаются легко, а потом никак не могут выздороветь. Да, часто подхватывают простуду - причем вне зависимости от времени года и распространения эпидемий.

- Я тоже легко простужаюсь... И причина...

— Это признак, но не доказательство, - заметил доктор. - Но все-таки можно сказать, что у *хибакуся* иммунитет так и не восстановился. Если бы у них был такой иммунитет, который они получили от своих родителей, от поколений своих более далеких предков, то эти люди смогли бы успешно противостоять существующим болезням.

- Я тут вспомнил дела давно минувших дней, - продолжал S, - когда во время одной беседы в газете мне сказали, что я обязательно умру от рака... Да, все *хибакуся* вдыхали радиоактивную пыль. Это привело к изменениям на микроуровне, которые нельзя увидеть невооруженным глазом. И в течение долгого времени по этой причине здоровые клетки будут разрушаться. Но в человеческом организме 6 миллиардов клеток, и где именно будут происходить эти разрушения - никому не известно. Это все события из микромира, глазом такого не увидеть.

- Сегодня вообще с доказательствами трудно, а с медицинскими - особенно. Как лечить злокачественные образования, которые возникли на микроуровне, - это, конечно, сфера медицины. Но что именно запускает начальную стадию развития рака - этого мы пока не знаем. Но что знаем точно - что рак можно вызвать искусственно. Подобные сложные эксперименты в течение долгого времени повторяли на

мышях. Так вот, во всех этих опытах, хоть в А, хоть в В, хоть в С, все до одной мыши раком так и не заболели. Если же говорить о *хибакуся*, то у них в организме накопились радиоактивные вещества, которые как-то ранят клетки. Для того, чтобы радиация ушла, должно пройти полвека. Вот из этой книги можно узнать все самое важное об этих «ядерных взрывах внутри тела» - доктор S положил на стол книгу в мягкой обложке бледно-голубого цвета.

Это интересное и ценное научное исследование, называлось «Враг внутри». В нем со статистической точки зрения рассматривалось воздействие попавших в организм радиоактивных веществ, тех самых «ядерных взрывов внутри тела». Были приведены статистические данные о жизни людей вблизи ядерных реакторов, в частности, о влиянии радиации на развитие рака груди у представительниц белой расы; были приведены статистические данные за полвека и о жизни *хибакуся*. Книгу «Враг внутри» написал доктор Джей М. Гоулд³⁵ и трое участников «Проекта по изучению радиации и ее влияния на здоровье населения». На японский язык книгу перевели профессор S и трое его коллег. S и издал книгу за свой счет.

Отставив чашку чая с лимоном на край стола, я придвинула к себе книгу и раскрыла ее. Книга имела подзаголовок, из которого следовало, что в ней речь идет о росте числа случаев заболевания раком груди, СПИДа, рождения недоношенных детей и других вызванных радиацией аномалий иммунной системы у людей, живущих вблизи ядерных реакторов на территории Соединенных Штатов Америки.

Судя по вступительной статье, автор книги, доктор Джей М. Гоулд, в

университете специализировался по математике. «В далеком 1930 году, когда я писал диплом в Колумбийском университете, мне довелось повстречаться с моим истинным учителем, профессором Уэсли Клером Митчеллом»,³⁶ - пишет он. Именно под влиянием профессора Митчелла Гоулд и стал изучать экономическую статистику. В оглавлении книги были представлены такие разделы, как «Радиоактивное излучение и смертность от рака груди», «Радиация и иммунный дефицит», «Рождение недоношенных детей и иммунодефицит в эпоху бума рождаемости» и т.п.

- Здесь данные не только по окрестностям ядерных реакторов, - продолжал профессор S – Авторы также изучали вопрос о том, какое влияние на людей оказали результаты испытаний ядерного оружия, которые проводились в 1945 году в Аламогордо. Судя по книге, важнейшие данные о том, что происходило в самой Америке на малых расстояниях от мест атомных взрывов после 1945 года, собранные в докладах Комиссии по изучению последствий атомных бомбардировок, так и не стали доступными широкой публике, - заметил S

В книге «Враг внутри» приводится подобный доклад, относящийся к атомному взрыву, который был осуществлен в 1945 году в Аламогордо в рамках проекта «Тринити». Как известно, взрыв «Тринити» в Аламогордо предшествовал атомным бомбардировкам Хиросимы и Нагасаки – этот экспериментальный атомный взрыв был осуществлен там 16 июля (хотя в книге «Враг внутри» почему-то написано, что 19 июля). Вот что там написано:

«Радиоактивные облака сносило на

северо-восток, и стало ясно, что они вряд ли останутся на границе штата Нью-Мексико. Первый случай воздействия на людей продуктов ядерного распада был зафиксирован осенью 1945 года, когда была повреждена рентгеновская пленка, которая находилась в лаборатории компании Истман-Кодак в Рочестере, штат Нью-Йорк. Вслед за этим в картоне, который вырабатывался для компании Истман-Кодак в штате Индиана, был обнаружен радиоактивный цезий. Воду для производства этого картона брали из рек Уобаш и Айова. Вскоре специалисты по радиоактивности из компании Кодак разобрались с причинами этих явлений: как оказалось, маленькие белые точки на поверхности пленки были вызваны последствиями июльского ядерного взрыва, который произошел в июле в штате Нью-Мексико.

Наверное, и у нас, *хибакуся*, в организме немало «маленьких белых точек» наподобие тех, которые появились тогда на пленке.

В книге также приводятся следующие данные относительно коэффициента детской смертности в штате Нью-Мексико сразу после ядерных испытаний: «С 1944 по 1948 гг. здесь наблюдался его рост на 11% - в сравнении с падением среднего показателя по США за тот же период на 4%».

И далее:

«На протяжении 35 лет после испытаний в штате Нью-Мексико фиксировался пик смертности от рака груди. Значимость этих данных становится еще выше, если сопоставить их с мощностью испытательного атомного взрыва «Тринити», которая не превышала 12 килотонн».

- Здесь важно то, - проговорил доктор S, следя за тем, как я пробегаю глазами строчку за строчкой, - что радиоактивная пыль после взрыва выпадала и в отдаленных районах...

В книге были также представлены коэффициенты смертности белых женщин от рака груди в штате Нью-Мексико в 1950-1989 гг. (из расчета на 100 тыс. женщин). Эти статистические данные были сгруппированы в три раздела: «Территории в радиусе 500 миль от Сандии и Лос-Аламаса», «Округа, пострадавшие от испытательного взрыва «Тринити» (1945)» и «Остальные округа штата Нью-Мексико». Согласно диаграммам, приведенным в разделе «Округа, пострадавшие от испытательного взрыва «Тринити» (1945)», «Воздействие взрыва «Тринити» отчетливо видно из Таблицы 8-1. В ней приведены коэффициенты смертности от рака груди по 9 из 10 округов, расположенных в юго-восточном углу штата Нью-Мексико, за период 1950-54 и 1980-84 гг. Увеличение этого показателя составило в среднем 72%. За тот же период в Лос-Аламесе, Сандии и 11 округах, избежавших вредного радиационного воздействия «Тринити», коэффициент смертности увеличился на 16%». Согласно той же таблице 8-1 средний совокупный коэффициент смертности (от рака груди) для 11 округов, расположенных в пределах 50 миль от места взрыва, вырос на 35%, тогда как по другим 11 округам штата Нью-Мексико он упал на 16%.

Перелистывая страницы книги, я вспомнила о книге Харуна Микио «*Хибакуся* в США», которая вышла в 1985 году в издательстве «Иванами сётэн». Ее автор пишет, что от ветра, дувшего с места взрыва, у быков-производителей выпадала шерсть...

Говорят, что в Рочестере, штат Нью-Йорк, сегодня находится могильник радиоактивных отходов. Вот что пишет по этому поводу автор книги «Хибакуся в США»: «На северо-западе штата Нью-Йорк, в маленьком городке Льюистон, который расположен в 15 километрах к северу от Ниагарского водопада, находится участок, принадлежащий федеральному Министерству энергетики. Здесь хранятся ядерные отходы, полученные в процессе реализации проекта «Манхеттен». И далее: «Говорят, что сюда с 1944 года свозили ядерные отходы от выплавки урана, которые получались в ходе проекта «Манхеттен»».

Из книги «Враг внутри» можно получить представление о следствиях того, что вблизи лаборатории компании Кодак был создан могильник радиоактивных отходов. Дело в том, что Рочестер, в котором находится лаборатория «Кодак», и Ниагарский водопад находятся неподалеку от берега озера Онтарио. Вероятнее всего, радиоактивные отходы могли загрязнить подземное пространство, попасть в озеро и в атмосферу этого района. А, может быть, туда затянуло ядерные отходы не только от «Тринити»? Впрочем, как бы то ни было, они действительно были обнаружены на рентгеновской пленке фирмы «Кодак», и в картоне этой компании, для производства которого использовалась вода из рек Уобаш и Айова. А ведь между штатами Нью-Йорк и Нью-Мексико находится еще и штат Индиана. Так, может быть, и его не обошли стороной радиоактивные вещества – принесло ли их на облаке, прошедшем через пустыню, или выпали ли они на землю черным дождем? Ведь установили же в компании «Кодак», что причиной повреждения пленки стал

именно радиоактивный цезий от июльского ядерного испытания...

Эта опасность существует и сегодня, тридцать пять лет спустя – она прошла сквозь время...

Доказательства влияния радиации на организм человека, приведенные в книге «Враг внутри», тесно соотносятся с содержанием работы Нагаи Такаси «Сообщения выживших при атомной бомбардировке», в которой еще полвека назад по-научному аккуратно написано, что «можно предположить» такое влияние. В частности, в резюме второй главы работы, в которой говорится о вреде радиации, доктор сообщает следующие сведения скрытых симптомах болезни одного из *хибакуся*, которого он осматривал в центре оказания помощи жертвам бомбардировки: «Радиация совершенно разрушительно воздействует на клеточную структуру и вызывает в ней дегенеративные изменения. В виде симптомов эти изменения проявляются спустя определенное время, которое можно назвать инкубационным периодом. Часто бывает так, что поначалу признаки болезни совершенно отсутствуют, но уже через несколько дней появляются критические ее симптомы». Каким же, по мнению доктора Нагаи, может быть это «определенное время»? Вот что он пишет: «К сожалению, я не могу сказать, какое отношение эти рассеянные капли имели к ядерному взрыву и даже как вообще он может о себе заявить - пока это совершенно непонятно». Как показано в книге «Враг внутри», на это могут потребоваться годы, поэтому может случиться и так, что определяющие факторы вообще никогда не попадут в поле нашего внимания...

В случае компании «Кодак» речь шла о воздействии радиации на предметы. Если

же говорить о воздействиях ее на человека, то в книге «Враг внутри» в главе, посвященной проекту «Тринити» и атомному взрыву в Аламогордо в 1945 году, вслед за сведениями о смертности белых женщин от рака груди сообщается и об опасности длительного воздействия малых доз радиоактивных веществ, оставшихся в организме: «За пятьдесят лет, прошедших с начала ядерной эпохи и до сегодняшнего дня, у нас, наконец, открылись глаза на данную проблему. Сыграли свою роль предупреждения о том, что за длительное время даже малые дозы радиации, связанные с производством и испытаниями ядерного оружия, оказывают разрушительное влияние на здоровье человека». Таким образом, то, о чем первый автор, писавший свои работы сразу после взрыва, сообщал как о предположении, в трудах второго излагается уже как результат, подтвержденный многолетними исследованиями.

- Скажите, - обратилась я к доктору S, который в полной тишине продолжал пить свой чай с лимоном. – А если к зараженному телу поднести счетчик Гейгера, то он как-то среагирует? Доктор S улыбнулся. Я тоже улыбнулась. В свете тенденции, связавшей через пятьдесят лет работу доктора Нагаи и результаты исследований, опубликованные в книге «Враг внутри», мне самой такая возможность тоже представлялась крайне сомнительной.

- Счетчик вряд ли будет трещать во весь голос, - заметил доктор S – Все-таки это не тот случай, который легко зарегистрировать. – Он продолжал улыбаться.

- Когда доживаешь до наших лет, хочется больше улыбаться, - сказала я.

- Понимаю Вас, - сказал доктор S – Но вместе с тем понимаю, что в действительности многим сейчас не до смеха. – Мы с Вами прожили свою жизнь, можно сказать, как обычные люди, но среди *хибакуся* есть такие, кто оказался в подлинно ужасных условиях - ужасных и физически, и экономически. В таких условиях, которые и словами-то описать нелегко.

Подразумевалось здоровье, которое и у меня, и у доктора S пострадало от взрыва. Если есть здоровье – тогда на пропитание можно заработать. А у *хибакуся* череда болезней не оставляла времени для работы...

Доктор S заговорил об одном мужчине, который подростком попал под атомную бомбардировку. Он заболел, не смог работать и потому стал промышлять воровством. За воровство его посадили в тюрьму. Выйдя из тюрьмы, он снова начал воровать – ради пропитания. Так и курсировал между тюрьмой и волей...

- Как Жан Вальжан?³⁷ – спросила я.

- Жан Вальжан все-таки получил какую-никакую работу, да и здоровье у него было, - заметил доктор S - Другое дело, хорошее или плохое...

- Ну а кроме пониженного иммунитета, какие еще есть особенности у *хибакуся*?

- У обычных людей возрастные болезни чаще всего развиваются постепенно, - сказал доктор S – А вот у *хибакуся* возрастные изменения происходят очень резко. Да и начинаются внезапно, без видимой причины.

- Это тоже от малых доз радиации? – спросила я.

Доктор S кивнул:

- Причины тоже неизвестны, но по существу, наверное, так оно и есть. Это как с онкологией: никто не знает, откуда берут начало эти болезни, но они ведь существуют, это невозможно отрицать. А малые дозы радиации точно оказывают воздействие на организм человека. И здесь об этом подробно написано. – Доктор S протянул мне книгу.

Я открыла ее на странице, заложенной желтой закладкой и стала читать:

«... Человек за время жизни вырабатывает в себе способность противодействовать раку. Такая способность связана с нашими иммунными механизмами, выработанными у людей под действием природного ионизирующего излучения, которое исходит из земли, и космических лучей, приходящих от бесчисленного количества источников. Эти воздействия имеют природный характер, так что их не нужно путать с малыми дозами искусственной радиации. Для последней характерно длительное воздействие радиации на организм изнутри, обусловленное ядерным распадом искусственно созданных веществ, которые попали из какого-то внешнего источника в организм и были им усвоены. Может ли наша иммунная система противостоять развитию рака, обусловленного малыми дозами радиации? Считается, что за пятьдесят лет такие способности в организме еще не развились... В результате длительного воздействия малых доз радиации возникают так называемые «свободные радикалы», которые являются исключительно опасными для клеток иммунной системы, отвечающие за защиту клеток от мутаций. И именно действие такого механизма наносит

основной вред организму». В общем, если я в меру своего скромного разумения правильно все поняла, малые дозы радиации не только разрушают оболочку клетки, но и проникают в ее ядро, где храниться генетическая информация, в результате чего в генах, находящихся внутри ядра, происходят мутации.

Итак, если радиоактивные вещества попали в организм в большом количестве, то они безвозвратно разрушают внутренние органы, и человек спустя короткое время умирает. Те же, кто сумел выжить, всю оставшуюся жизнь будут сталкиваться с воздействием малых доз излучения, исходящего от содержащихся в организме радиоактивных веществ. Такие вещества врачи не могут потрогать руками, они находятся в микромире, который является сферой ответственности физики. Говоря крайне упрощенно, молекулы, которые слабо излучают радиацию, превращают молекулярный кислород в активный кислород, а именно активные формы кислорода являются главной причиной развития образований как «электрофильного реагента, то есть вещества, стремящегося поглотить электроны». Обмен осуществляется таким образом, что «реагент, предоставляющий электроны электрофилу, то есть донор электронов», находится в нашем организме, причем увидеть все это совершенно невозможно, поскольку процесс протекает на микроуровне.

Приведенные в книге «Враг внутри» доказательства существования «внутренних атомных взрывов», как ни странно, меня успокоили. Да, приведенные аргументы были нерадостными, но, в конце концов, все жертвы атомной бомбардировки смертны.

И разве для меня, живой *хибакуся*, эти результаты имеют хоть какой-то смысл?

- Выводы автора основаны только на статистических данных. Но разве они что-нибудь доказывают? – спросила я.

- Весь ужас в том, что результаты не зависят от расстояния, так что они справедливы не только для *хибакуся*, - заметил доктор. – С ветром, с облаками, с дождями радиоактивные вещества разносились на расстояния в 200-300 километров и поражали всех, кто жил на этих территориях. По цифрам - по крайней мере, на первый взгляд - нет никакой разницы, идет ли речь об эпицентре или о далеких от него участках.

- Об этом очень остро написал Ибусэ Масудзи ³⁸ в своей книге «Черный дождь». Прозорливый, великий роман! – закончил доктор S

Я рассказала ему о своей подруге Кана, которая каждый год с приближением августа впадает в депрессию и запирается у себя в комнате.

- Понятно, - кивнул доктор, - ей от всей души хочется, чтобы ее оставили в покое.

С начала нашей встречи с доктором прошло уже больше двух часов. Лучи закатного солнца окрасили в бледно-красный цвет верхушки деревьев, окружавших императорский дворец – роща была видна из кафе при гостинице. Впрочем, до захода солнца еще оставалось время. Почувствовав голод, мы заказали по кусочку пирога с тыквой.

- Вам нужно обязательно есть овощи с высоким содержанием каротина: морковь, тыкву... - посоветовал доктор S

Я заговорила о своей однокласснице А., которая в прошлом году умерла от опухоли мозга. Всю свою семью она потеряла 9 августа, а после войны дальние родственники забрали ее в Нагасаки. Тяжело раненая А., вероятно, подолгу лежала в больнице. Потом она окончила какую-то другую женскую школу и, судя по всему, вышла замуж. В собраниях выпускников нашей школы А. не участвовала, а снова общаться с некоторыми из моих школьных товарищей начала всего лишь десять лет назад.

Все наши встречи и беседы, начинались, конечно, с разговоров о болезнях. В случае с А. было то же самое – из разговоров стало известно, что ей сделали операцию на мозге. После операции удаления опухоли А. стала более активно встречаться со своими друзьями-*хибакуся* – наверное, она стала более решительной. До смерти ей сделали еще несколько операций, и каждый раз наша близкая подруга упавшим голосом говорила: «Ну вот и еще одна...». Конечно, от опухоли мозга умирают не только *хибакуся*, но именно эту исходную причину болезни назвал за несколько месяцев до смерти больной доктор S, поставив, таким образом, А. точный диагноз. Это было важно с той точки зрения, что А. оказалась в списке признанных жертв атомной бомбардировки.

- Ей повезло, - заметил доктор S – Ведь, как ни удивительно, все эти ядерные дела – признавать, не признавать – по сути зависят от человеческих эмоций.

- А есть ли там разница между мужчинами и женщинами?

- В смысле хода болезни, синдромов? -

уточнил доктор S – Психологическая разница есть. Когда дело доходит до обсуждения диагноза, то мужчины и женщины держатся по-разному. Мужчины более социально ответственны, и среди тех, кто после долгих размышлений решает не иметь детей, также больше мужчин. У женщин же сильна тяга к материнству, и многие рожают детей. А те, кто решил не рожать, это не обсуждают, просто молча не рожают и все. Наверное, все дело здесь в материнском инстинкте.

- Там есть связь и с родами, и с деятельностью головного мозга, - помолчав, добавил доктор, – а в этой книге говорится еще и о проблеме рождения недоношенных детей.

В самом деле, в параграфе «Недоношенные дети» раздела «Основные выводы» я прочла нечто для себя новое:

«В сравнении с выпадением радиоактивных осадков после ядерных испытаний эти проблемы обсуждаются мало. Однако есть указания на то, что излучение, исходящее от гражданских и военных ядерных реакторов, играет важную роль в увеличении числа случаев заболевания раком груди и смертности от этого заболевания, которые сейчас наблюдаются эпидемиологами в разных районах нашей страны».

Далее в книге применительно к авариям на атомных электростанциях в Тримайл-Айленде ³⁹ и Чернобыле говорилось следующее:

«В 1980-х годах, после аварий на гражданских АЭС в Тримайл-Айленде и Чернобыле, связанных с крупномасштабными утечками радиации, увеличилось число случаев нарушения

иммунных механизмов у женщин, родившихся после 1945 года. В частности, осадки, выпавшие в период атомных испытаний, вызывали иммунные нарушения, которые наносили вред плоду в чреве матери». Это указывает на то, что ныне живущие женщины также могут легко заболеть раком груди. А в тот период, «с 1945 по 1955 годы, резко, до 40% увеличилось количество недоношенных детей, чей вес при родах был менее 5.5 фунтов (1 фунт – 453.59 г.)...

В 1961-62 годах, когда достигли 18-лет дети, родившиеся в 1945 году, и за год до того, как был заключен Договор о запрещении испытаний ядерного оружия,⁴⁰ началось аномальное снижение оценок на экзаменах для проверки способностей поступающих в колледжи (SAT),⁴¹ причем это снижение продолжалось 20 лет».

Отсюда делается вывод: «Для нас очевидно, что ядерные испытания оказывают вредное воздействие на щитовидную железу плода, находящегося в утробе матери (эта железа, которая определяет развитие умственных способностей, формируется на ранней стадии развития эмбриона)». В книге «Враг внутри» анализируются и другие случаи заболеваний, причем не только те, причины которых ясны. Показано, что подобные зависимости часто имеют место для рака щитовидной железы, рака груди, злокачественных опухолей в лимфатической системе, рака легких и т.д. В книге приводятся также коэффициенты смертности «новорожденных и грудных младенцев», родившихся от матерей, которые находились на расстоянии менее двух километров от эпицентра атомного взрыва – эти данные взяты из научного сборника «Разрушения от атомной

бомбардировки Нагасаки», вышедшего в 59-м году периода Сёва (1984). Жизнестойкость детей оказалась ослаблена.

На проблему недоношенности детей накладывается и еще одна: отмечается, что «у детей, находившихся в момент атомного взрыва в утробе матери, охват головы, рост и вес мало оказались меньше, чем у обычных детей». Это также объясняется тем, что эмбрионы еще в утробе матери испытали последствия атомного взрыва. С другой стороны, как показано в книге «Враг внутри» полвека спустя, существует опасность того, что такие последствия могут сказаться и в конце долгого периода непрерывного воздействия радиации.

Микроцефалия у детей, переживших атомную бомбардировку в утробе матери, также коррелирует с рождением недоношенных младенцев с весом менее 5.5 фунтов (около 2450 г). Но проблема микроцефалии состоит не только в том, что у ребенка меняется форма и размер головы; как выяснилось, «у него замедляется и умственное развитие».

Я вспомнила о том, что мне, *хибакуся*, удалось обратить вспять найденную в моем организме болезнь, вызванную радиоактивным заражением, и в моей душе зазвучал маленький гимн победы. Но вместе с тем я с тяжелым сердцем задумалась и о том, что, как показано в книге «Враг внутри», радиоактивное загрязнение затрагивает и людей, которые не имеют никакого отношения к той войне.

- Через десять лет после окончания войны врачи в Хиросиме провели исследования *хибакуся* во втором поколении, - заметил доктор S – K

с сожалению, подробной статистики на этот счет не осталось. На самом деле можно полагать, что и *хибакуся* во втором поколении тоже умирали от последствий атомного взрыва, который пережили их матери, только эти случаи зарегистрировать не всегда удавалось из-за того, что при тяжелых уродствах происходили выкидыши и преждевременные роды, которые заканчивались смертью.

С медицинской точки зрения к случаям заболевания нужно отнести также психологические мучения, которые испытывают представители второго-третьего поколения *хибакуся*, - продолжал доктор S – Это выяснилось при телефонных опросах. У них, например, существует страх перед женитьбой или замужеством. Таких случаев очень много, даже сейчас... Да, в XX веке открытая людьми ядерная энергия начала их же убивать... Она обрывает судьбы людей и целых народов. Зная, как она действует на человеческий организм, я не могу сегодня доверять ученым и политикам, которые своими поступками допустили такое развитие событий...

- Есть люди, которые в ответ на разговоры о ядерной угрозе только улыбаются: «Человечество не может существовать вечно, у него всегда есть шанс погибнуть». Что это за толерантность такая? Разве можно таким образом остановить ядерную гонку или войну? – спросила я.

- Похоже, их при нынешнем уровне интеллекта вообще сдерживать бесполезно, - заметил доктор.

- Так, чувствую, Земля наша и до конца этого века не доживет. Не знаю, что там пророчествовал Нострадамус, но

локальные войны, которые снова и снова вспыхивают в разных частях света, постепенно ширятся... И разве не может прийти дело до войны с применением ядерного оружия? Говорят, что с появлением ядерного оружия характер войн изменился, они превратились в локальные. Действительно, современные войны стали именно такими, но ведь кто-то может нарушить баланс сил ядерного сдерживания, и тогда...

- Ну а, может, он еще пятьсот лет простоит? – улыбнулся доктор S – Скорее дело здесь в том, что человек уже съел запретный плод номер два, ядерный. А разве тот, кто узнал его вкус, сможет с ним расстаться?

- Да, правители вряд ли выпустят такой плод из рук... В том запретном плоде, который съели Адам и Ева, не оказалось яда, и потому человечество выжило, хотя над ним и висит теперь первородный грех. Но ядерный плод ядовит – в нем таится гибель человечества. А сильные мира сего не ищут пути к спасению и резво бегут по ядерной дорожке. Но я не теряю надежды. Моя надежда – на простых людей, на силу и разум народов, которые хотят жить. Все живое инстинктивно стремится к тому, чтобы не исчезнуть с лица земли.

- А в какой части мира возникнет эта человеческая сила? – спросила я.

- Берусь предположить, - доктор S улыбнулся, но потом его глаза стали серьезными. - Лично я возлагаю надежду на жителей Азии.

- Человек возвращается к первобытному состоянию, из которого родилась Вера. А если он хоть чуть-чуть задумается о духовном, то должен подумать и о науке. В самой гибели уже есть возможность

спасения, правда? В этом сущность Веры: когда ты размышляешь о смерти, то у этих мыслей есть оборотная сторона: ты на самом деле думаешь о жизни.

Я обошла тридцать два храма, но не получила ответа ни на один свой вопрос. Конечно, ответы на такие вопросы быстро не даются, но... Но вот я обошла все храмы, стою на том же месте, думаю о Кана и ожидаю двух смертей, которые когда-то все равно наступят... Я подумала о том, что могла бы умереть и тогда, в конце лета, на солнцепеке, когда у меня от жары потемнело в глазах и я присела на корточки на выходе из туннеля. Тогда, среди головокружения и черно-красного марева в глазах, мне показалось, что я отбрасываю все лишнее, чтобы остаться в живых. Впрочем, когда из тела уйдут жизненные силы, прекратятся и эти мудрствования... Так что мне остается - жить или умереть?.. Остается одно голое тело... Поднимаю бокал за дух, хотя он может быть куда слабее тела... Честолюбивые желания и тщеславие, которые обуревали меня, исчезли без следа... Я поняла, что и на холмах Мацуяма-мати мне было дано одно только тело...

...Я вышла из последнего оставшегося мне храма. Как всегда, у меня была с собой булочка с бобовой пастой и горячий ячменный чай. На салфетке Кана стояло уже тридцать две печати – белой ткани почти не было видно за красными и черными оттисками. Печать последнего храма мне поставили на обороте. Аккуратно сложив салфетку, я положила ее в рюкзак и вышла на усыпанный камнями морской берег неподалеку от храма. Выбрав на песке самый большой камень, я уселась на него спиной к деревне.

Над морем бурлили густые кучевые облака, окаймленные золотым сиянием - совсем как те грозовые тучи, на которые мы со страхом смотрели в детстве, опасаясь удара молнии. Со времен моего детства в природе ничего не изменилось – ни голубой цвет неба, ни сверкающие гребешки волн, ни густая зелень деревьев.

По берегу гуляло множество родителей с детьми. Дети с криками окунали ноги в набегавшие волны. Это и есть счастье: дети играют на берегу моря под заботливыми взглядами родителей – счастливые, как я в детстве.

И каждый ребенок, не отрываясь, следит глазами за игрой ветра и волн...

(Опубликовано в октябрьском номере журнала «Гундзо» за 1999 г.)⁴²

***Перевод с японского Евгения
Кручины выполнен в 2009 г.***

¹ Здесь и далее примечания переводчика.

Богиня Каннон (иначе – Кандзэон, санскр. Авалокитешвара, букв. «внимающая звукам мирским»). Имя Кандзэон или, сокращенно, Каннон, является переводом этого понятия на язык китайских иероглифов. (См. «Повесть о доме Тайра». Пер. со старояпон. И. Львовой. – М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000, с. 602).

² Кана – имя подруги автора, тоже жертвы атомной бомбардировки. Как будет ясно из дальнейшего изложения, уже в зрелом возрасте Кана «получила имя», то есть приобрела сценический псевдоним как свидетельство того, что она является профессиональным музыкантом, мастером исполнения «Эдо коута».

Коута (букв. «короткие песни») – вокальные композиции, исполняемые под аккомпанемент традиционного японского трехструнного инструмента *сямисэн*. *Коута* испытали расцвет в период Эдо (1603-1868) как музыка гейш и «веселых кварталов», а к концу XX века превратились в жанр популярной концертной музыки, в котором по сей день различают стиль *камигата коута*, характерный для района Киото/Осака, и стиль *эдо коута* (Эдо - название г. Токио до 1868 г.).

По традиции, на церемонии «присвоения имени» его обладатель преподносит гостям салфетки, на которых вышито его новое имя или иные знаки памяти об этом событии.

В год 60-летнего юбилея Кана две подруги пообещали друг другу совершить совместное паломничество по 33 храмам полуострова Миура, посвященным богине Каннон. Но уход Кана из дома, о котором говорится ниже, помешал исполнить этот план. В память о своей подруге автор, Хаяси Кёко, теперь сама обходит эти храмы, отмечая посещение каждого из них получением оттиска красной храмовой печати на том самом платке, который она получила от Кана на церемонии «присвоения имени».

³ *Обон* (*бон*, *урабон*) - буддийский праздник поминовения усопших, отмечаемый в Японии в середине августа. Сопровождается большим количеством поминальных служб в храмах и на кладбищах.

⁴ Калавинка (санскр.) – мифическая птица с прекрасным человеческим лицом, обитающая в буддийском раю и услаждающая дивным пением священных сутр души праведников.

⁵ Огава Кунио (1927-2008) - известный японский писатель и публицист. Его книга «Библия и эсхатология» (яп. "Сэйсё то сюмацурон") вышла в 1987 г. в издательстве «Иванами сётэн».

⁶ *Хиган* - буддийский праздник, точнее, целая неделя поминальных служб, окружающая день весеннего равноденствия или день осеннего равноденствия. В этот праздник принято чтить память ушедших в мир иной и проявлять особое уважение к предкам. Само слово "*хиган*" буквально значит "тот берег" и символизирует потусторонний мир. В данном случае, очевидно, имеется в виду весенний *хиган*.

⁷ Фрезия, или фреезия (лат. *Freesia*) — род многолетних травянистых клубнелуковичных растений.

⁸ «Пока не поблекли алые губки» (яп. *акаки кутибиру асэнэ ма ни*) – строка из популярной японской «Песни гондольера» (яп. *гондору-но ута*), написанной в 1915 г. композитором Накаяма Симпэй (1887-1952) и поэтом Ёсии Исаму (1886-1960). Новый виток популярности этой песни пришелся на 1950-е годы и был связан с тем, что режиссер Куросава Акира (1910-1998) включил ее в свой художественный фильм «Жить» (яп. «*Икиру*»), вышедший на экраны в 1952 г.

⁹ Согласно буддийской традиции, на седьмой день со дня кончины (включая сам день смерти) совершается первая поминальная церемония по усопшему.

¹⁰ См. перевод на русский язык: Кёко Хаяси: "Пляска смерти". Перевод В. Гришиной. В кн.: Шествие в пасмурный день. Сборник. Пер. с яп. / Составл. Б. Раскина; Вступ. статья В. Гривнина. - М.: Радуга, 1985. - 216 с.

¹¹ Луис Уолтер Альварес (Luis Walter Alvarez, 1911-1988) – известный американский физик и изобретатель, лауреат Нобелевской премии по физике 1968 г.

¹² Будда Амида (санскр. Амитабха - «безграничный свет») — самая почитаемая фигура в буддийской школе Чистой земли. Считается, что он в своем Западном раю принимает под свое покровительство всех, искренне взывавших к нему, вне зависимости от их происхождения, положения или добродетелей. Сутра Лотоса Благого Закона (санскр. Саддхармапундарики-сутра, яп. Мёхо рэнгэ кё) - один из самых известных канонических текстов буддизма.

¹³ Розарий - традиционные католические чётки, а также молитва, читаемая по этим чёткам.

¹⁴ Бодхисатва - в буддизме «праведник, достигший совершенной мудрости». Буддийские божества-бодхисатвы могли бы пребывать в совершенном покое (нирване), но, движимые любовью и состраданием, являют себя в мире, чтобы помочь людям обрести путь к спасению, то есть к избавлению от страданий земной жизни. Одной из бодхисатв является богиня Каннон. (См.

«Повесть о доме Тайра». Пер. со старояпон. И. Львовой. – М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000, с. 602-603).

¹⁵ Нагаи Такаси (1908-1951) – японский врач-радиолог, известный общественный и религиозный деятель, автор первых публикаций о последствиях и жертвах атомной бомбардировки Нагасаки, которую он сам пережил.

¹⁶ *Pu* – японская мера расстояний, 1 *pu* = 3927 м.

¹⁷ Виктор Дельноа (Victor E. Delnore, 1914-1998) – в 1946-1949 гг. начальник американской военной администрации Нагасаки

¹⁸ Гёки (668-749) – буддийский монах периода Нара (710-794), основал 49 монастырей. Участник строительства знаменитого Великого храма Востока (Тодайдзи) в г. Нара. По преданию, именно Гёки высадил в Японии первые чайные кусты.

¹⁹ Государство Пэкче существовало на западе Корейского полуострова в период с 18 г. до н.э. по 660 г. н.э.

²⁰ 1998 г.

²¹ В «Нирване-сутре» уход из Будды в нирвану описан в следующих словах: «Как только дыхание смертного Шакьямуни прервалось, четыре пары деревьев сяра (сал, санскр. «сала» – тиковое дерево») склонились над его ложем, скорбя о том, что Будда покинул земную юдоль, и окраска их листвы и цветов мгновенно изменилась – они увяли. (См. «Повесть о доме Тайра». Пер. со старояпон. И. Львовой. – М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000, с. 589).

²² Сирабэ Райсукэ (1899-1989) – японский ученый, врач и общественный деятель, в августе 1945 г. – директор больницы при медицинском колледже в Нагасаки, позднее – директор медицинского колледжа при университете Нагасаки.

²³ *Тэмпура* – блюдо из ломтиков рыбы и овощей, которые погружают в кляр и обжаривают во фритюре.

²⁴ Комиссия по изучению последствий атомных бомбардировок (The Atomic Bomb Casualty Commission (ABCC)), была основана весной 1948 г. распоряжением президента США Г. Трумена для изучения долговременных последствий воздействия радиации на жертв атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Перед комиссией не ставились цели оказания медицинской помощи жертвам бомбардировок. Расформирована в 1975 г.

²⁵ Хори Тацуо (1904-1953) – японский писатель, испытывал сильное влияние французской литературы, прежде всего, сентиментализма.

²⁶ Герман Гессе (Hermann Hesse, 1877-1962) – немецко-швейцарский писатель и художник, лауреат Нобелевской премии (1946). Запахом сена наслаждаются герои многих произведений Гессе, в том числе «Росхальде» (Roßhalde, 1912-1913) и «Нарцисс и Гольдмунд» (Narziss und Goldmund, переводится также как «Нарцисс и Златоуст», 1930). См., напр., сцену свидания Гольдмунда и Лизе: «Не говоря ни слова, прошли они какое-то расстояние по темному лесу, то по мягкому, как подушка, мху, то по твердым ребрам корней, временами меж редких высоких крон над ними виднелось бледное небо, временами было совершенно темно; кустарники били его по лицу, ветки ежевики хватили за одежду. Она хорошо знала дорогу и шла вперед, редко останавливаясь или замедляя шаг. Через некоторое время они шли меж отдельных, далеко отстоящих друг от друга сосен, впереди открывалось бледное ночное небо, лес кончился. Они вышли на луг, сладко запахло сеном. Они перешли вброд маленький бесшумно струящийся ручей, здесь на просторе было еще тише, чем в лесу: ни шумящего кустарника, ни торопливого ночного жителя, ни хруста сухих веток.» (пер. Г.В. Барышиковой).

²⁷ *Такими Каннон* – одна из 33 ипостасей бодхисатвы Каннон (Кандзэон). Изображается сидящей на крутом обрыве и глядящей на водопад (яп. *таки*).

²⁸ В первой половине XVII века, когда в Японии под страхом смертной казни было запрещено христианство, жители Нагасаки, продолжавшие втайне исповедовать христианскую веру, стали изготавливать изваяния Пресвятой Девы Марии в облике бодхисатвы Каннон (Марии-Каннон) и в безмолвии возносить перед ними христианские молитвы. В некоторых статуях Марии-Каннон были скрыты кресты.

²⁹ Крестьянское восстание под христианскими лозунгами, вспыхнувшее в 1637-1638 гг. на южном японском острове Кюсю в областях, населённых преимущественно обращёнными в католичество японцами.

³⁰ 1600-1867 гг.

³¹ *Татами* – плетеная циновка и одновременно единица измерения площади помещений. 1 *татами* имеет площадь чуть более 1,5 м.

³² *Мурё* (яп.) – бесплатно, даром, *дзи* – буддийский храм.

³³ Сюнкан – буддийский священник, предоставивший в 1177 г. свое жилище для собраний заговорщиков, боровшихся против могущественного дома Тайра. После доноса Сюнкана и двух других заговорщиков арестовали

и сослали на Остров Демонов (Кикайгасима), где он и умер в возрасте 37 лет. – См.: Акутагава Рюносукэ. Сочинения в четырех томах. М., Издательство «Полярис», 1998, т. 2, с. 548.

³⁴ Акутагава Рюносукэ (1892-1927) – классик современной японской литературы. Рассказ «Сюнкан» опубликован в 1922 г.

³⁵ Джей Мартин Гоулд (Jay Martin Gould, 1915-2005), американский экономист. В 1985 г. основал "Проект по изучению радиации и ее влияния на здоровье населения" (Radiation and Public Health Project), в 1996 г. выпустил книгу "Враг внутри: высокая цена жизни вблизи ядерных реакторов" (The Enemy Within: The High Cost of Living Near Nuclear Reactors).

³⁶ Уэсли Клер Митчелл (Wesley Clair Mitchell, 1874-1948) — американский экономист.

³⁷ Жан Вальжан (Jean Valjean) – герой романа Виктора Гюго «Отверженные» («Les Misérables»).

³⁸ Ибусэ Масудзи (1898-1993) — выдающийся японский писатель, лауреат многих литературных премий, кавалер японского Ордена культуры (1966).

³⁹ 28 марта 1979 г. на атомной электростанции (АЭС), расположенной в Тримайл-Айленд (штат Пенсильвания, США) произошло частичное расплавление активной зоны ядерного реактора. До Чернобыльской аварии, случившейся через семь лет в СССР, авария на АЭС в Тримайл-Айленд считалась крупнейшей в истории мировой ядерной энергетики.

⁴⁰ Полное название документа – «Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой». Он был подписан 5 августа 1963 года в Москве. Сторонами договора являлись СССР, США и Великобритания.

⁴¹ SAT (Scholastic Aptitude Test или Scholastic Assessment Test, ныне называется SAT Reasoning Test) — комплексный экзамен для старшеклассников и поступающих в колледжи США, в ходе которого проверяются аналитические и математические способности, а также знание языка.

⁴² «Гундзо» - японский ежемесячный литературный журнал, выпускаемый издательским домом «Коданся» с октября 1946 г.